

СПЕЦНАЗЪ

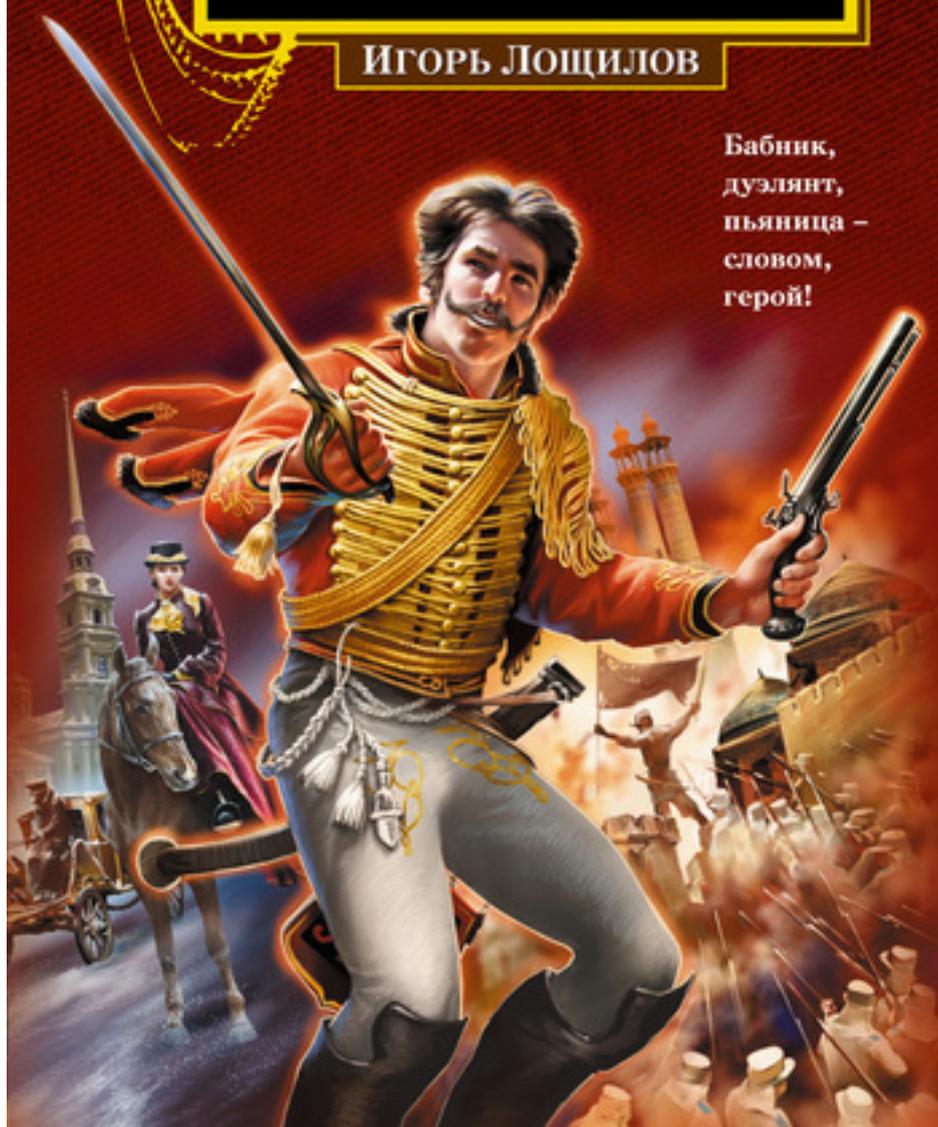

ГОСУДАРЕВЪ

Батарейа держит редут

ИГОРЬ ЛОЩИЛОВ

Бабник,
дуэлянт,
пьяница –
словом,
герой!

Спецназ государев

Игорь Лоцилов

Батарея держит редут

«ЭКСМО»

2008

Лоцилов И.

Батарея держит редут / И. Лоцилов — «Эксмо»,
2008 — (Спецназ государев)

Начало XIX века. Россия воюет с Персией. Поручик Павел Болдин добровольно сбежал на фронт, чтобы не жениться на нелюбимой девушке. Вражеские пули да разрывы снарядов для него оказались слаще девичьих поцелуев. Отчаянно храбрый гусар совершает подвиг за подвигом, удивляя своей отвагой сослуживцев. Но не боевые награды прельщают отчаянного офицера, и об этом знают его командиры. После успешного штурма крепости генерал оказал ему величайшую милость, о которой Болдин даже не мог мечтать...

Содержание

Из огня да в полымя	5
Первые победы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Игорь Лоцилов

Батарея держит редут

Из огня да в полымя

В Петербурге шло следствие по делу декабристов. Все было обставлено с величайшей секретностью, достойные люди внезапно исчезали, и о них долгое время ничего не знали. Умудренные опытом предпочитали об этом не говорить, к новому государю только присматривались, слышали, что он строг, любит строй, выправку, порядок и дотошен во всех делах, потому лучше пока помалкивать. Не то молодежь, которую политические бури занимали мало, если не касались напрямую, – она шалила и веселилась вовсю. В каждом полку сложились кучки отчаянных, которые не хотели знать никакой власти, кроме своей полковой. Они бравировали удалством и щеголяли девизами типа «Жизнь копейка – голова ничего».

Павел Болдин был как раз из таких. Служил он в гусарском полку, отличался пылким характером и воображением, но страдал весьма распространенной болезнью золотой молодежи – недостатком средств. Отец его был прижимист и очень изощрен по части отказов от сыновних просьб. Как-то при очередном посещении Павел нашел своего старика страдающим животом. Доктор прописал тому касторку, и вид ненавистной микстуры вызывал в нем панический страх. Павел принялся его уговаривать принять лекарство и облегчить страдания.

– Не могу!

– Хоть с отвращением, но прими.

– Не могу! Разве не знаешь, что я не пью без компании.

Действительно, старик имел такую склонность.

– Помилуй, какая может быть компания для лекарства?

– Один все равно не могу. Вот если б ты со мной выпил.

– Я тоже не могу, надо на службу. Да и зачем это, если я здоров?

– Знаю твою службу, опять небось за вспомоществованием пожаловал? – Павел виновато наклонил голову. – Вот и помоги отцу, если любишь.

Старик налил второй бокал. Делать нечего, взял его Павел и с привычным «Будь здоров!» лихо опрокинул в себя. Мерзкая жидкость вызвала мгновенную судорогу, а когда очнулся, увидел, что отец внимательно рассматривает свой так и не выпитый бокал.

– Ты что же?

– А я, брат, раздумал...

Почти неделю маялся Павел последствиями; отец, заботливо относящийся к своему здоровью и почитывающий медицинские книжки, объяснял недомогание сына «истечением организма». Денег он ему так и не дал.

Кажущаяся черствость объяснялась просто: старый Болдин, живший всегда на широкую ногу, на самом деле не имел средств и всю жизнь прожил в долг. Уже на смертном одре он объяснил сыну истинное положение, присовокупив, что единственным выходом из него является выгодная женитьба. Он даже присмотрел одну молодую богатую вдовушку, которая, оказывается, была не прочь связать судьбу со статным молодцом. Старик по пылкости своего нрава не любил откладывать дела в долгий ящик и тут же попросил сына исполнить его последнюю волю. А чтобы все было без обмана, подвел к иконе – поклянись! И что тут делать бедному гусару? Поклялся.

Скоро по смерти старика пришлось Павлу вступать в наследство. Собрались родственники и кредиторы. Первых было мало, вторых много. Судейский вскрыл и зачитал пакет с завещанием.

«Не желая оставлять никого из родственников и кредиторов без внимания, дабы не подумали они, что я забыл об их приятном существовании, вменяю себе в святую обязанность поделить между ними все, что имею. Завещаю им: прежде всего хорошенько всмотреться в черты моего лица, чтобы запечатлеть их на долгие времена в своей памяти. Затем взять мои руки и по русскому обычаю положить их крестом на груди, причем большой палец каждой длани вложить между указательным и средним, чтобы получился символический знак отрицания. И то, что будет находиться в моей правой руке, завещаю своим милым родственникам, а что в левой – моим любезным кредиторам. Чем богат, тем и рад».

Вот так попал наш гусар в жестокий передел, поневоле пришлось выполнять данное отцу обязательство. Но сдержать привычки к проказам все же не смог и придумал свою.

Однажды в июне на Большой Невке, у Елагина острова, где готовилось открытие императорского дворца, показался черный катер, на палубе которого стоял черный гроб. Гребцы, вздымая зажженные факелы, заунывно пели «Со святыми упокой». Скорбное зрелище привлекло внимание обывателей и властей, особенно усердных по случаю пребывания на острове императора, проверявшего готовность работ. Катер остановили, команду высадили на берег, а капитана препроводили к полицмейстеру. Тот устроил допрос, но ничего понять не смог, ибо покойника на катере не обнаружили, в гробу покоились только бутылки с шампанским. Единственное, что вызвало подозрение, листки с непонятными стихами. Разбираться было недосуг, следовало доложить о беспорядке, поскольку молодой государь требовал быстрой отчетности во всем.

Роль капитана на этот раз исполнял Болдин, который и предстал перед высочайшим ликом. Нимало не смущенный его суровым видом, он объяснил свои обстоятельства: приходится-де в силу давнего слова хоронить свою свободу, потому и скорблю. Николай спросил о причинах, понуждающих к браку, и посочувствовал, но счел нужным поинтересоваться: хороша ли невеста?

– Как вешний сад, ваше величество.

– Что ж, желаю счастья.

– Однако в этом саду уже многие погуляли.

Император заинтересовался неожиданным ответом:

– Как так?

Болдин объяснил.

– Кажется, ты не очень расположен к своей невесте?

– Ваше Императорское величество очень проницательны.

– Крепись, гусар, против слова чести я, как ты знаешь, бессилен.

Болдин бросился на колени.

– Ваше величество! Прошу об одной лишь милости: отправьте меня на Кавказ.

– Что это, братец, на тебя нашло?

Болдин объяснил: это-де вполне пристойный способ избежать нежелаемого брака.

– А вдруг невеста за тобой воспоследует?

– Это навряд ли, она привыкла к иной жизни. Ну а если воспоследует, так тому и быть: двум смертям не миновать!

Император вошел в положение, ему ведь самому не было тридцати, и суровая личина, которую он был вынужден на себя натянуть, иногда утомляла. Отослал гусара к Дибичу, отправлявшего должность начальника Главного штаба, и приказал распорядиться его именем. Он собрался было отпустить Болдина, но вспомнил о принесенном полицмейстером листке бумаги и быстро пробежал его. «Будут нынче гусари веселиться до зари» – что это за чепуха?

– Это наш гимн, ваше величество, – почтительно пояснил Павел.

Николай немного подумал и изрек:

– Напоминаю о долге службы. А будете безобразничать, отправлю гусарей кормить комарей.

Он вообще-то не был склонен к изящной поэзии, но шутить иногда изволил.

Путешествие в те времена было делом долгим и утомительным. И пока наш герой следует к новому месту службы, перенесемся туда силою воображения.

Интересы России на Кавказе защищал отдельный корпус, которым командовал генерал от инфантерии Ермолов. Герой войны с Наполеоном, человек большого ума и благородства, он был известен всякому россиянину и пользовался безусловным доверием Александра I, предоставившего ему полную свободу действий. Отношения с горскими народами у России только складывались, поэтому на Кавказе нужен был человек с широким взглядом, умело действующий согласно обстановке: где с увещанием, где с лаской, где с решительностью и твердостью, но никогда не забывающий о достоинстве и интересах России. Десять лет властвовал здесь Ермолов при полном одобрении прежнего государя. Преемник был менее благожелателен. К трону приблизились недруги независимого полководца, особенно немцы, служившие предметом частых насмешек Ермолова. Они стали говорить, что слава его дутая, что с толпой полудиких горцев уже давно можно было бы справиться, если бы он не окружил себя диким ободраным войском. Немалую настороженность нового императора вызывали и его связи с участниками декабрьского бунта, пусть не по самому делу, что так и не удалось выявить, а чисто человеческие. Поэтому к донесениям Ермолова об обстановке на Кавказе Петербург относился с определенным предубеждением.

Война с Персией не входила в планы нового императора, отягощенного внутренними проблемами. Чтобы подтвердить свои мирные намерения, он послал в Тегеран генерала Меншикова с извещением о своем воцарении и выражением надежд на дальнейшее мирное сосуществование. Однако весной 1826 года в Персии взяла верх партия престолонаследника Аббас-Мирзы, которого поддерживали англичане. Те опасались усиления влияния России в регионе и уговаривали шаха отобрать прежние персидские владения, уступленные России по договору 1813 года. Они уверяли, что новый император, занятый междоусобной борьбой за престол, не сможет оказать достойного сопротивления намерениям Тегерана. Аббас-Мирза, собрав огромную армию, стал передвигать ее к нашей границе, проходившей по реке Аракс.

Эти приготовления не укрылись от внимания Ермолова, имевшего хорошую разведывательную сеть среди местных ханов. Он посылал донесения в Петербург, предвидя опасные последствия вероломной персидской политики, но на них не обращали должного внимания. Особое недоверие выражал глава внешнеполитического ведомства граф Нессельроде, старавшийся всеми средствами дезавуировать деятельность русского генерала. А тот располагал всего лишь тридцатью тысячами человек, которыми должен был прикрывать границу на протяжении шестисот верст, и не имел возможности сконцентрировать силы на опасном направлении без того, чтобы не оголить большие участки.

Уже в июле начались систематические вражеские набеги на русские территории. Сначала безобразничали курдские племена, а потом и их вдохновители персы. Враги вырезали целые деревни, оставляя за собой кровь и обезглавленные тела, уводили в плен сотни людей и тысячные стада. В середине июля границу по реке Аракс перешли отдельные части персидской армии. Их действия были поддержаны разбоями на турецкой границе. Русские блокпосты отчаянно защищались, им помогали отряды армянской и грузинской милиции, но сдержать многотысячные регулярные войска они не могли и постепенно отходили в глубь своей территории.

Затем начали переправу через Аракс и основные силы персидской армии. В числе первых на русскую землю ступил сам Аббас-Мирза вместе с многочисленными слугами и гаремом. Несмотря на солидный возраст, престолонаследник никогда не отказывал себе в удо-

вольствиях. Его встречали предупрежденные заранее знатные татары во главе с Агалар-беком, состоящим на русской службе и удостоенным капитанского чина – у них вошло в привычку добиваться воинских званий русской армии, чтобы при первом удобном случае поменять их на более высокие у противника.

К появлению Аббаса татары готовились заранее, в доме изменника был устроен богатый пир. Гости отведали десятков перемен кушаний, смотрели на пляски искусных танцовщиц, говорили льстивые слова престолонаследнику, предсказывая ему быструю и решительную победу. Хозяин постарался на славу не только по части самих кушаний, но и сервировки стола. Всеобщее восхищение вызвала золотая посуда, а на две изящные вазы из тончайшего китайского фарфора обратил высочайшее внимание сам принц, так что хозяин с сожалением подумывал о том, что с вазами ему придется, по-видимому, расстаться. Но его ожидала более весомая потеря. Когда после окончания трапезы служители уносили остатки еды на больших серебряных подносах, вдруг оба подноса сорвались с их голов, и вазы разбились вдребезги. Агалар-бек, едва скрывая досаду, забормотал про старинное поверье, что бьющаяся посуда обычно приносит удачу, но суеверный Аббас-Мирза призвал толкователя снов и происшествий, чтобы тот объяснил случившееся. Этот толкователь был настолько стар, что уже ничего не боялся, а потому высказал крамольное и неожиданное для всех предсказание: «Повелитель потеряет в двух больших сражениях всю свою армию, а затем неверные перенесут оружие в Персию и истощат ее последние силы». Его слова были встречены негодующими криками всех присутствующих, сам Аббас-Мирза едва не присоединился к ним, однако с трудом удержался и зловеще проговорил:

– Годы помрачили твою голову, старик, она нам больше не нужна... Не нужен нам и ты, Агалар-бек, – обернулся он к хозяину, – тот, у кого неловкие слуги, не может иметь умелых воинов...

Утром персидская армия вторглась в принадлежащее России Карабахское ханство. Атаке подверглись и другие участки Кавказской линии. Граница в то время находилась в 150 верстах от Тифлиса, и известие о вторжении регулярных персидских войск стало известно Ермолову лишь на второй день. Он приказал удерживать несколько опорных пунктов и к ним стягиваться отрядам с малых пограничных блокпостов. Обстановка складывалась тяжелой.

На запад, ближе к Турции, пограничные с Персией области охранялись войсками (всего около трех тысяч) под командованием полковника Леонтия Яковлевича Северсамидзе. Это был храбрый военачальник, знавший языки и имевший большое влияние на местное население, которое часто обращалось к нему за разрешением споров. Войска его боготворили, он, в свою очередь, восхвалял их храбрость (не забывая, впрочем, о своей) и был беспощаден к врагам, отчего получил прозвище Дели-князя (бешеного князя). Особую ненависть проявлял Эриванский сардар, предпринимавший попытки убить Северсамидзе. Счастливым образом избежав очередного покушения, он написал его организатору: «Напрасно беспокоился. Русский царь так велик, что моя смерть была бы для него смертью одного солдата; так что о моей голове не стоило тебе хлопотать». С первой половины июля к Мираку, где обосновался князь, стали стягиваться персы с союзниками, и 16 июля они совершили нападение. Русские блокпосты после отчаянного сопротивления были вырезаны. Наши войска под давлением превосходящих сил противника были вынуждены отступать.

С вторжением персов восстали местные племена: казахские татары, курды, чеченцы... Изгнанные ханы стремились вернуть былое господство, изменили России Борчала, Шамшадиль, Елизаветполь – практически все Закавказье пришло в движение. Явился прежний владетель Тальшского ханства, который при поддержке персов напал на посты Каспийского батальона, а затем направился к Ленкорани. На своем пути он вырезал всех защитников (персы хорошо платили за каждую русскую голову), нужно было предпринимать меры, чтобы не

дать распространиться возмущению на Дагестан. Не меньшее беспокойство вызывал и правый фланг, ходили слухи о сборе турецких войск в Анапе, Потти, Ахалцыхе.

Генерал Ермолов был поставлен в трудное положение. Отряды, разбросанные на границе, не могли быть быстро соединены, чтобы противостоять персидской армии. Граница с Персией проходила по тяжелой местности с малым числом дорог, разделяемых высокими скальными хребтами и не имевших между собой сообщения. Усилить войска, противостоящие персидской армии, за счет правого фланга он тоже не мог. Единственным выходом являлся планомерный отвод войск и организация отпора врагу на двух наиболее опасных направлениях: в Нагорном Карабахе и со стороны Эривани.

В это напряженное время и прибыл поручик Болдин с очередной оказией из Петербурга. Хотя командующий был предельно занят, но привычке знакомиться с вновь прибывшими офицерами не изменил, и после недолгого ожидания Болдина призвали пред высокие очи.

Имя Ермолова было известно каждому офицеру, о нем ходили легенды, а Болдину еще в Петербурге посчастливилось видеть его портрет, писанный Доу для галереи Зимнего дворца, – настоящий лев, рожденный для славы и побед. То, что не сохранила память, дорисовывало воображение, и молодой офицер невольно трепетал, входя в кабинет командующего. Тот действительно всем своим видом внушал невольное уважение – эта грива полувьющихся волос, уже обильно тронутых сединой, внимательный взгляд серых глаз и вся массивная фигура римского атлета, лишь немного потерявшего форму. Болдин доложил честь по чести и вручил пакет, которым снабдил его генерал Дибич. Ермолов пробежал бумагу начальника Главного штаба и поморщился: его нередко донимали предписаниями о том, чтобы на некоторое время пристроить молодого офицера якобы для приобретения боевого опыта, а на самом деле, чтобы дать ему толчок для карьерного роста.

– И где бы вы желали служить, поручик? При моем штабе все места заняты...

– Ваше высокопревосходительство! – воскликнул Болдин. – Располагайте мной, как сочтете нужным, но лучше всего отправьте меня на Линию, потому как к штабной работе имею устойчивую неприязнь.

Ермолов взглянул на его форму и уже более благосклонно сказал:

– У нас нет парадных гусар, воюем, где приходится и как требуют обстоятельства. Не желаете ли уточнить? – Он пригласил поручика к висевшей на стене карте Кавказа.

Болдин ткнул наугад, и Ермолов с неподдельной искренностью воскликнул:

– Прекрасно! Это Карабахское ханство, кажется, именно сюда и нацелились персы, только сил у нас там маловато – один лишь 42-й егерский полк на полторы сотни верст. Правда, командир хорош – полковник Реут, знаю его еще с двенадцатого года, он стоит многих, но все же нужно подкрепить, этим и занимаюсь. А пока ему нужно свести приказ: собрать полк с дальних стоянок и организовать отпор персам, куда не придут подкрепления. Возьмете с десяток казаков, они дорогу знают – и вперед!

Болдин от радости едва не подпрыгнул, о таком доверии он не мог и мечтать.

На другой день выехали рано утром, еще до света. Казачий отряд, выделенный для сопровождения Болдина, возглавлял пожилой урядник. Павел с интересом наблюдал за своими новыми товарищами, казавшимися пришельцами из иного мира. Они держались независимо и изредка перекидывались словами, о смысле которых приходилось только догадываться. Несмотря на ранний час, дорога была достаточно оживленной, по ней мерно двигались повозки, запряженные неторопливыми волами. Возницы, беспечно раскинувшись на охапках душистого сена, досматривали утренние сны, предоставляя животным самим выполнять привычную работу. Довольно широкая дорога позволяла нашему отряду быстро двигаться вперед, не нарушая мерного шествия волов.

Казаки почтительно величали своего урядника Корнеичем. Тот пояснил Болдину, что утром, по холодку, пока лошади не притомились, нужно поспешить и достигнуть ближайшей казацкой заставы до наступления «жаров». Болдин счел благоразумным не спорить и всецело положиться на опыт старика. Действительно, поднимавшееся прямо перед ними солнце быстро набирало силу и скоро стало основательно припекать, так что утомившиеся лошади приметно сбавили ход. К счастью, до заставы было уже недалеко.

Застава – это несколько хат, обнесенных глиняной городьбой – дувалом. Здесь можно было подкормить себя и лошадей, переждать полуденный зной и после отдыха отправиться далее. Ночами идти остерегались по причине разбойных нападений. В этих местах особенно шалили курды, народ безжалостный и дикий, они либо брали путников в плен, либо отрезали им головы и продавали персам. Говорили, что солдатская голова шла у тех по червонцу, впрочем, офицерская тоже, воинские звания неверных для разбойников не имели значения.

Когда полдневный жар несколько спал, отправились далее с намерением пройти еще дватри десятка верст до следующего стана. Этот день закончился благополучно, поскольку из-за оживленности дороги разбойники опасались делать свои набег. Следующую заставу достигли, когда уже начало темнеть. Несмотря на долгий и утомительный путь, казаки чувствовали себя бодро, и Болдину приходилось сдерживаться, чтобы не показать усталость. Они быстро сварили кулеш, достали из кожаных переметных сум (сакв) нарезанное квадратиками тесто (ханкалы), разлили по чаркам чихирь и принялись ужинать.

– Милости просим ваше благородие отведать казачьих харчей, – пригласил урядник Болдина. – Недаром говорится, что казачье житье – лучше всего: на ходу поедим, стоя выспимся, с вечера за жизнь поговорим, поутру росой умоемся – и снова в путь.

Его дружно поддержали:

– Это так: у казака домик – черна бурка, а сестра – сабля вострая. Бывай здоров, ваше благородие!

Как тут отказаться? После долгого пути чихирь – красное домашнее вино показалось слаще дорогих вин, а каша-размазня – вкуснее самых изысканных блюд.

После ужина пошел привычный разговор про казацкое житье-бытье. Говорил в основном Корнеич, которому чихирь развязал язык, а предмет – вот он, персы, с ними ему удалось близко познакомиться, когда в составе казацкой сотни сопровождал несколько лет назад Ермолова при поездке в Тегеран.

– Народ самый разбойный, – говорил урядник, попыхивая трубочкой, – но силу уважает и супротив нее уши тотчас прижимает. Алексей Петрович – орел, спуску им не давал и честь росейскую держал высоко. Восхотели, скажем, чтобы он перед ихним шахом сапоги снял, обрядился в красные чулки и колени преклонил, как все прочие делали. Еще чего! Он как был, так и явился, еще и в кресло перед ним уселся – дескать, я прислан русским императором, который повыше тебя будет, потому, коли хочешь, можешь сам чулки надевать.

И нас всяко защищал, потому, говорил, что вы здесь не просто казаки, но – представители! Вот, скажем, было дело... Тогда приехало много народа, всех разместить надо. Отвели нашим музыкантам место по соседству с одним французом, а тот их изгнал, ему, видите ли, музыка мешала. Батюшка Ермолов разбираться не стал, кликнул десяток казаков и приказал взять француза под караул. Он, дурачок, начал задираться и слова нехорошие говорить на своем французском языке. Наши, понятно, снести дерзости не смогли, потому как – представители. Разложили его на лавке и плетюганом постегали. Так что вы думаете? Французик, как штаны надел, сам побежал прытче блохи.

Слушатели поинтересовались бытом персов.

– Живут грязно, поют скверно, как будто кричат, с такими вывертами в голосе, что и показать страшно, ровно павлины, и музыка у них гнусная. Едят, правда, вкусно, но опять же с необыкновенной грязью. Сидят на коврах, посланных прямо на земле, мимо слуги снуют,

разносят еду. Захочешь что, они тут же тебе кладут одними и теми же руками: то кусок мяса, то горсть пилава, а то прямо вырывают кусок из арбуза – ешь, что угодно. Ходят прямо за спинами гостей, едва ли не по головам, задевают их длинными полами своей одежды, а оттуда запах такой, не приведи боже...

После разоблачения персов слушатели поинтересовались: почему-де они устроили нам войну? Корнеич без раздумий объявил:

– То все англичанцы, они мастера одни народы на других натравлять, у самих персов мозгов бы не хватило с нами воевать. Но эти рыжие, такие хитрованы: в глаза улыбаются, а сами тут же норовят тебе в пазуху залезть. Мне с ними довелось столкнуться, когда атамана Матвея Иваныча в Англию сопровождал.

Слушатели сразу оживились:

– Расскажи, Корнеич.

– Дело это было в четырнадцатом годе. Атаман Платов тогда в полной своей силе был и с самим императором Александром Павловичем говорил, как я сейчас с вами. Когда наша Москва загорелась, он на французского царя так рассердился, что громко объявил: ежели кто мне этого Бонапартишку доставит, живого или мертвого, я за того выдам дочь свою Марью! Правда, таких удалцов не сыскалось, но англичанцы заинтересовались: что это за краса такая, что по любви к отцу и отечеству готова отдаться в руки злодея? И вот попросили тогда они Матвея Иваныча эту красу им показать. Атаман дела не любил тянуть и, когда наш государь отправился в Англию, напросился с ним. Государю как отказать, если атаман просит? Взял, конечно. Михаил Иваныч англичанцам очень понравился и ликом, и обхождением. Они орден ему надавали, медаль в его честь выбили, патреты рисовали, а бабы за ним табуном ходили и все выпрашивали прядки волос для медальонов, так что голову ему изрядно проредили. Он, казак добрый, никому не отказывал, а к одной так привязался, что привез с собой на Дон. Как они изъяснялись промеж собой, никто не ведал, но понимали друг друга хорошо. И Матвей Иваныч, хоть и крут бывал на язык, о ней отзывался с неременной ласкою: она-де добрая душа и девка благодная, к тому же такая белая и дородная, что ни дать ни взять ярославская баба...

А нужно вам сказать, что говорилось это со знанием дела, ибо в наших северных краях ему приходилось бывать при государе Павле Петровиче, которому атаман чем-то не угодил. Этот государь вообще был с причудами и многих карал без вины. В тех краях в скором времени оказался и наш батюшка Ермолов, он тогда еще не был генералом. Они приглянулись друг другу, вместе горевали и водочку попивали, до которой Матвей Иваныч был, к слову сказать, большой охотник. И так посидевши, отправлялись гулять и смотреть на небо. Атаман, хоть названий звезд не знал, но все как есть мог Ермолову объяснить: «Вот эта звезда висит над поворотом Волги к югу; эта над Кавказом, куда мы с тобой бы бежали, если б у меня не было столько детей; вот эта над местом, откуда я еще мальчишкой гонял свиней на ярмарку». В конце концов они так подружились, что атаман предложил Алексею Петровичу, после того как пройдет царская немилость, жениться на одной из своих дочерей, а их было у него великое множество...

– И что же?..

– А ничего, у Алексея Петровича лишь одна суженая – служба воинская, он ее ни на какую жену не променяет.

Кто-то поинтересовался насчет привезенной англичанки, и Корнеич неожиданно рассердился:

– Вам, жеребцам, только бы о бабах... Ну-ка, всем спать, поговорили и будет, завтра с рассвета в путь.

Лежа на охапке душистого сена, Павел вспоминал события минувшего дня: утомительную езду по однообразной пыльной дороге, короткие стоянки со скудной пищей и рассказ сло-

воохотливого урядника. С неба светили яркие звезды, одна, вон там, должно быть, над далеким Петербургом, а эта – над разбойным Тегераном, и где-то между ними светит маленькая и невидная его звездочка... Долго ли ей суждено продержаться на небосклоне, про то знает, верно, один Господь...

На следующий день пришлось углубиться в горный Карабах и идти стало труднее. Дорога сузилась до того, что на ней с трудом могли разминуться две арбы; она петляла между горами, пересекала горные водостоки, опускалась в ущелья и поднималась к кручам, вокруг которых лепились облака. Дело осложнилось тем, что теперь следовало особенно внимательно следить за окружением, чтобы избежать опасности разбойного нападения курдов, обнаглевших по случаю открытия военных действий. Однажды пришлось открыть огонь и разогнать шайку всадников, сгрудившихся на вершине горы с явно враждебными намерениями. К счастью, для отряда дело окончилось благополучно.

К вечеру добрались наконец до вершин Карабахского хребта. Тут открылась великолепная картина. На севере синели снеговые выси Кавказа; на востоке расстилалась Муганская степь, сливавшаяся в далекой синеве с Каспием; на западе вставали горы Армении, возглавляемые исполинским двуглавым Араратом, увенчанным ледяным шлемом и опущенным махровыми облаками; на юге просматривалась темная лента Аракса, прикрытая белыми туманами. Внизу, из глубины ущелья, смотрело небольшое селение с фиолетово-розовыми саклями и башенками, оно то погружалось в клубившийся туман, то снова выплывало на его поверхность. Корнеич объяснил, что это армянское селение Герюсы, в котором располагается один из наших батальонов, и предложил остановиться там на ночлег.

Отряд гуськом начал спускаться по тропинке, едва проторенной на висящих над безднами утесах. Болдин, хотя и успел несколько привыкнуть к опасностям необычного похода, с трудом удерживал дыхание, которое вырывалось из груди и, казалось, готовилось увлечь его вниз. За многие века копыта лошадей путников пробили на утесах ступени, и теперь конь должен был осторожно ступать в эти каменные гнезда, чтобы не сорваться вниз и не стать вместе с всадником пищей для шакалов и орлов.

Несмотря на позднее время, село гуляло. Отовсюду слышались громкие крики, звучали песни и музыка. Причина выяснилась скоро: нынче состоялась выдача жалованья, и в такой день солдату издавна предписано благословлять службу. Павел велел отвести себя к командиру. Им оказался подполковник Назимов, рыхлый, одутловатый, начавший благословение с самого утра. Он обрадовался гостю и тут же предложил ему примкнуть к всеобщему веселью. Гость, однако, решительно отказался, ссылаясь на необходимость срочной доставки распоряжения командующего.

– Эх, голубчик, – покачал головой Назимов, – никуда ваша служба не уйдет, а солдатскую заповедь нарушать не годится. Слышали небось: «День государев, а ночь наша». Ко мне нынче приказ привезли о немедленном выступлении. Для военного человека это дело святое – выполнять, что начальство велит. Однако мы тоже не без понятия. Живем на отшибе России-матушки, рядом с чуждыми народами, в гадких условиях, без женского пола и иного благородства. Потому, конечно, бывает, что употребляем злое зелье, иначе говоря, злоупотребляем. И как я могу своих солдатиков лишить законной радости поднять чарку за государя, который как раз сегодня за нашу службу жалованье прислал? Тем паче что никакого урона для военного дела не выйдет, ежели на сутки задержимся. Супостат покамест далеко, у меня за ним свои дозоры наблюдают. Так что не волнуйтесь, поручик, завтра тронемся в путь и все наведем. Ну что, налить?

– Благодарствую, пока службу не исполню, дал зарок не употреблять. А вот если провожатого дадите, буду признателен.

– Это проще простого. Антоша! – крикнул Назимов.

Тотчас явился юноша, одетый в ладную черкеску, быстрый и ловкий, с ярким девичьим румянцем на щеках. Назимов что-то шепнул ему, и тот исчез в мгновение ока, будто выпорхнул на волю. Вскоре подошел армянин, весь заросший кудрявым полуседым волосом.

– Это Ашот, он отведет вас в Шушу, – объявил Назимов и, указав на Болдина, строго сказал: – Слушаться, как меня!

Ашот поклонился, дело устроилось.

Едва Болдин вышел, за ним метнулась тень.

– Господин поручик! – окликнул его тот, которого Назимов назвал Антошей.

– Чего тебе, любезный?

– Возьмите меня с собой. Я давно уж дожидаюсь оказии.

– Считаю, что дождался, завтра все тронемся.

– С транспортом идти одна морока, да и пыли наглотаетесь. Возьмите, я обузой не буду, а может быть, и помогу, поскольку все здешние места знаю. Батюшка опять же отблагодарит...

– Это что за благодетель?

– Полковник Реут, я давно уже ищу попутчиков, чтобы отъехать, да Назимов не пускает. Так что, возьмете?

Болдин призадумался. В отличие от угрюмого Ашота румяный юноша вызывал непровольное доверие, сдается, что обузой для отряда он не станет, почему тогда не взять его?

– Ну-ну, Антоша, завтра выйдем раненко поутру, гляди не проспай. – Болдин похлопал по плечу нового спутника, который мгновенно исчез из вида, а сам направился к поджидавшему его Корнеичу. Тот, верно, слышал происшедший разговор и недовольно проговорил:

– Зря вы, ваше благородие, согласились мальчика взять, рази не знаете: баба да бес – у них один вес.

– Какая баба?

– Самая что ни есть настоящая, у меня глаз наметан, она хоть во что обрядится, но от меня свою породу не спрячет.

Болдин залился краской: как это он с благородной девицей говорил без должного уважения? И так расстроился, что даже долго не мог уснуть.

Выехали на рассвете, когда загулявшее воинство еще спало крепким сном. Впереди ехали Ашот и Павел. Антоша, которая на самом деле оказалась Антониной, скромно держалась за ними. Болдин, хоть и чувствовал себя неловко, отношений с девушкой решил не выяснять, просто в разговоре перестал пользоваться родовыми окончаниями и перешел на безличные предложения. Несколько верст прошли без приключений, пока не встретили всадника, чем-то явно встревоженного. Он стал громко переговариваться с Ашотом, показывая в сторону, откуда ехал. Бурные переговоры кончились тем, что Ашот с явным пренебрежением отмахнулся от него и собрался было продолжить путь. Антонина, отозвав Болдина, кивнула в его сторону и тихо сказала:

– Сдается, что этот плут что-то замыслил. Впереди, насколько я поняла, отряд курдов, как бы не выйти прямо на них.

– Что будем делать? – встревожился Болдин.

– Сворачивать с главной дороги, – отвечала девушка, – тут недалеко козья тропа, путь не такой гладкий, зато безопасный.

Они продолжили путь и скоро достигли едва приметного свертка. Павел без раздумий свернул на него, чем доставил явное беспокойство проводнику.

– Прямо нада, прямо... – затянул он, на что умудренный опытом Корнеич философски заметил:

– Ежели в объезд, так к обеду доберемся, а прямо, так и к ночи не поспеем... – и, убедившись, что его философия на Ашота не подействовала, грозно прикрикнул: – Цыц!

Тому ничего не оставалось, как уныло тянуться за отрядом.

Тем временем начал свой марш и батальон Назимова. Сборы были хоть и недолгими, но бестолковыми – сказывалось долгое ночное гулянье. Невыспавшиеся офицеры покрикивали на вялых подчиненных, те погоняли недоумевающих лошадей и другую скотину. С большим трудом одолели десяток верст, далее становилось идти все труднее из-за нещадного солнца и густой пыли, повисшей над колонной. Назимов не хотел делать привал, опасаясь, что отдых вконец расслабит людей. Он знал, что скоро должно начаться ущелье, где будет прохладнее, а чуть далее за ним – горная речка, у которой была намечена дневка. И батальон уныло тянулся по жаре, проклиная упрямого командира. Однако намеченному плану не суждено было свершиться. На подходе к ущелью отряд был внезапно атакован мятежной карабахской конницей. Едва успели принять бой, появились персы из передового отряда армии Аббас-Мирзы. Кавалеристы подвезли на своих лошадях отряд пехоты – сарбазов, и те открыли плотный огонь.

– Братцы! – вскричал капитан Воронов, шедшей впереди русской колонны. – Пришло время помереть за Россию-матушку и царя-батюшку. Ударим на поганых, чтобы впредь к нам не совались. На руку! Вперед!

Взяли солдаты ружья наперевес и ударили на врагов с таким отчаянием, что разметали их в стороны. Да ведь было тех великое множество и на место павших встали новые. Но хуже прочего оказалось то, что с персами прибыл англичанин, нанятый для стрельбы горными пушками. Этот хорошо знал свое дело и после нескольких выстрелов угодил прямо в зарядный ящик, что везли рядом с нашей артиллерией. Громкий взрыв прогремел на всю округу, оставив после себя огромную воронку и десятки погибших. Тут уж наши солдаты вовсе озверели, ни подгонять, ни удержать их не было никакой силы, и супостаты, подавленные их несокрушимостью, были вынуждены отступить.

Колонна русских войск продолжила свое движение, однако было ясно, что враг не отстанет и сделает попытку нового нападения. Проводники-армяне советовали свернуть с дороги на горные тропы, где можно рассеять нападавших и миновать опасные места, но Назимов не решился распустить войско, полагая, что нужно держаться всем вместе, да и жалко было расставаться с батальонным хозяйством. Решил от своего первоначального плана не отступить, тем более что до речки Ах-Кара-Чай, где намечалась дневка, оставалось совсем немного. За ней начинался густой лес, куда персы не отважились бы сунуться. По задумке выходило вроде бы ладно, да беда – помешали, как говорится, овраги. Едва посвежело и речкой пахнуло, люди и скотина бросились вперед, никого не слушая, приникли к воде, амуницию скинули. Говорят, на суету смерти нет, а тут вышло не по пословице: выскочили из засады сарбазы и давай наших солдатиков убивать. Началась такая мясорубка, которую никто остановить уже не мог. Попытался капитан Воронов собрать остатки своей роты, да куда им против тысяч сарбазов, так все под их ятаганами и легли. Без малого тысяча российских воинов осталась лежать на берегу горной речки – самая весомая потеря нашей армии с начала персидского нашествия.

Тем временем отряд под командованием поручика Болдина медленно, но верно двигался по направлению к Шуше. Дорога становилась все каменистее и труднее, приходилось то подниматься на горные кручи, то спускаться с них, от лошадей валил густой пар, ибо солнце палило нещадно. Наконец достигли развалин когда-то расположенного здесь горного села и решили отдохнуть. Остановились в полуразрушенной мечети, соблазнившись толстыми стенами, которые сулили хоть какую-то прохладу. Корнеич деловито обошел прилегающую местность. Она представляла собою плато, как бы вгрызшееся в крутую гору. Внизу шумела бурная речка, сверху нависали утесы, а въездом и выездом служила довольно узкая дорога, проложенная по склону. «Хорошая придумка, – отозвался он о прежних жителях деревни, – ежели кто захочет напасть, ничем их отсюда не сковырнешь».

Казачи скоро развели огонь и стали варить кулеш, а после ужина Корнеич запалил трубочку и принялся за свои бесконечные истории.

– Из всех горских народов самые коварные чечены, они как волки, нипочем не приручаются; курды тоже злые, но у них ума меньше, совсем, можно сказать, нет. Вот, помнится, был случай... Словили мы чеченского возмутителя Амалат-бека, который немало наших побил, и за такие богомерзкие дела батюшка Алексей Петрович приказал его тут же повесить. Разбойник, как услышал переводчика, который объявил ему приговор, и ухом не повел, только наклонился к кобелю Ермолова и стал чесать ему за ухом. А нужно вам сказать, что кобель этот по прозвищу Пират отличался злобным нравом и никого из прочих к себе не допускал. Тут же повел себя смиренно и даже глаза прикрыл от удовольствия. Не зря говорят, что чеченский народ от волков и злобных кобелей произошел, потому и числит их своими родственниками. Чечен сей, поласкав кобеля, вздел руки, поднял глаза к небу и, помолвившись таким образом, спокойно отправился на казнь. Алексей Петрович очень поразился такому самообладанию разбойника и сказал: «Да не позволит мне Бог лишиться жизни человека с таким крепким духом». И вместо казни повелел посадить его в темницу. Там он, однако, пребывал недолго, так как один тыловой генерал упросил Ермолова дать ему чечена в помощники. Тот согласился, и генерал потом был очень доволен Амалатом, всегда держал его при себе и даже поселил в своей кибитке.

– Это навряд ли, – усомнился один из казаков, – волки обычно не приручаются.

– А он и не приручился. С год они прожили вместе, а потом Амалат перерезал горло своему благодетелю и убежал к своим. Сейчас, верно, воровским делом по-прежнему занимается. Недаром говорится: сколь волка ни корми, он в лес смотрит... Хуже нет в здешних местах этого народа, – пыхнув трубочкой, заключил Корнеич. – Ты что, малой, рази не согласен? – Он посмотрел на вздрогнувшую Антонину. Корнеич делал вид, что не знает об ее истинном происхождении. Девушка покраснела и, стараясь придать голосу больше мужественности, сказала:

– Вы говорите неправильно. Чечены – народ справедливый и много лучше прочих. У них все равны по части исполнения шариата – богатые и бедные, и все за неисполнение законов одинаково отвечают. Не то что у персов, у тех шах – почти Аллах, а любой начальник лишь немного пониже и делать ему дозволяется все, потому что иные все равно что грязь. И подвластные им народы так же живут. Потому у них столько историй про глупость и жадность здешних правителей.

– Так расскажи какую-нибудь, – попросили слушатели.

– Вот, например, что слышно о Гуссейн-хане, правителе соседней Нухи. Там есть армянское селение Джалуты, известное своей старой чинарой. Ей, говорят, не меньше восьмисот лет. И вот однажды приехал в это селение Гуссейн-хан, велел собраться жителям под этой чинарой и стал расспрашивать о некоем захудалом жителе по имени Мегердиче. Кто-то шепнул хану, что у этого бедняги есть курица, которая несет золотые яйца. Несчастливого поставили перед ханом, и тот признался, что действительно одна курица ведет себя странно и всякий раз, когда появляется новая луна, сносит золотое яйцо, но прячет его так хитро, что найти его может только очень умный и хитрый человек. Хан завладел чудесной курицей, обосновался в селении и стал дожидаться появления новой луны. Он грезил о том, как распорядится золотыми яйцами, будет продавать каждое не меньше чем по десять туменов и купит на них длинные пушки, которые будут стрелять на сто верст и поражать проклятых гяуров даже за Кавказским хребтом.

Но судьбы Аллаха оказались неисповедимы. Пока хан ожидал появления нового месяца, прискакал гонец с известием, что русские во главе с генералом Ермоловым взяли Нуху, главный город Щекинского ханства, и повсюду разыскивают хана, чтобы посадить его на кол. Испуганный Гуссейн-хан схватил драгоценную курицу, взгромоздился на коня и бросился бежать, куда глаза глядят. Но был так неосторожен, что курица вырвалась из его рук и скрылась в придорожных кустах. Разыскивать ее не было времени, хан спешил спрятаться от грозного Ермолова и прячется до сих пор, ибо о нем больше нет ни слуха ни духа...

– Знатная история, – усмехнулся Корнеич, – но нам это не внове, так как имеем своего любителя золотых яиц. Ну-ка, Митяй, расскажи.

Митяй – самый молоденький из казаков, был предметом их частых насмешек. Это своего рода испытание, чтобы научиться уважительности к старшим и терпеливости. История его случилась давно, но повторялась с удовольствием. Как-то на одной из ярмарок, будучи еще мальчонкой, поддался он на уговоры шельмоватого цыгана и купил у него крашеное яйцо. Оно было не обычное, а выточенное из дерева, этакий твердый биток, который побивал все пасхальные яйца. Тогда в России не было, верно, ни одного уголка, где бы в Светлое Воскресение не устраивали яичные баталии, и цоканье едва ли не заглушало звон церковных колоколов. Но Митяй недолго торжествовал победу и был скоро изобличен. Подобные «жилы» в казацкой среде не поощрялись, и твердость победного яйца ему пришлось проверять на собственной голове.

Казаки не отстали, пока не выудили из бедного Митяя всю историю, но под конец, видя, что парень расстроился, успокоили: ничего, раньше крашеные обманки катал, а теперь письма от самого генерала Ермолова возишь. Тут уж Корнеич не выдержал, приказал насмешникам прикусить языки и отправил распалившееся воинство на отдых.

Это оказалось кстати, потому что переход был долг, а предстоящий путь требовал свежих сил. Скоро все забылись сном, и сам Корнеич, потеряв слушателей, свесил голову. Некоторое время еще дымилась его трубочка, но потом погасла и она.

Болдин, ворочаясь на жестком ложе, вспоминал немудреные рассказы новых товарищей и досадовал на свою прежнюю жизнь. Ну о чем может поведать он? О проказах столичной молодежи? О том, как тарабанили по ночам в ставни петербургских дач и пугали ночных обитателей? Или как однажды устроили переполох в доме одного значительного лица, стащив у него ночную вазу? Да ведь эти честные воины, всю жизнь проводившие в походах, верно, и слыхом не слыхали о таких чудесах современной цивилизации.

Недалеко от него лежала Анастасия, он чувствовал ее слабое дыхание. Девушка хорошо показала себя во время перехода, не жаловалась, не стонала, а когда ее лошадь оступилась и едва не сползла по крутому склону, показала изрядное самообладание, не издала ни звука, лишь закусила губу и потрепала лошадь по холке, успокаивая ее. По всему было видно, что походные условия жизни ее мало тяготят. Конечно, ей было далеко до изнеженных, напыщенных духами и измазанных парижскими мазями столичных девиц, да она, по-видимому, и не желала на них походить. Но и через грубую мужскую одежду, более пригодную для хождения по диким скалам, проглядывали необыкновенная грация и изящество, правда, совершенно здесь неуместные...

Занятый этими мыслями, Болдин сам не заметил, как заснул. Он все еще не смог свыкнуться с обязанностями своего положения, когда командир должен сам позаботиться и распорядиться обо всем. Он все еще ощущал себя розовошеким Павлушей, который должен только и делать, что срывать цветы удовольствий. Мелькнула было мысль о боевом охранении и опасностях глухой горной дороги, но она быстро отступила: от кого, дескать, нужно тут сторожиться среди горных круч и суровых скал? Об этом пришлось вспомнить утром, когда обнаружилась пропажа проводника Ашота.

Куда же мог запропасться этот мошенник? Вещи проверили – все будто бы на месте. Болдин махнул рукой – туда, дескать, ему и дорога, велел собираться в путь. Корнеич был, однако, более осторожен. «Вышлю-ка я казачков, чтобы осветить местность», – сказал он, это у них так называлась дозорно-разведывательная служба. Болдин нехотя согласился. И ведь недаром засомневался старик: скоро от одного из дозорных стало известно о появлении вражеского отряда. Теперь, конечно, ни о каком движении не могло быть и речи, поскольку на узкой горной тропе от преследователей никак нельзя было оторваться. Пришлось занимать оборону в развалинах, это все же лучше, чем на открытом участке.

Была, правда, надежда, что сарбазы появились здесь случайно, но она быстро развеялась, когда наш отряд подвергся обстрелу. Казаки действовали уверенно, без суеты, открыли по противнику прицельный огонь, оказавшийся, судя по раздавшимся крикам, весьма действенным. Противник был настроен, однако, решительно и неуклонно продвигался вперед, понадобилось еще несколько уверенных залпов, чтобы оттуда показался белый флаг.

– Не стреляй, говорить нада! – раздалось предложение.

Болдин приказал прекратить стрельбу, со стороны наступавших появился Ашот. От нас выставили Митяя – так уже повелось издавна, чтобы с начала переговоров честью своей не поступаться. Затем после обмена ничего не значащими фразами показался и неприятельский предводитель. Судя по богатой одежде, он был знатным персом, и ему навстречу вышел сам Болдин. Мирза держался с достоинством и довольно сносно говорил по-русски.

– Я знаю, вы везете бумагу от генерала Ермолова. Чего хочет он от здешнего русского начальника?

Болдин с достоинством ответил:

– Русский офицер не привык отчитываться перед врагами. Ты можешь ознакомиться с письмом, когда убьешь всех нас, но это будет непросто.

– В твоих словах только ребяческая похвальба. Умереть во славу своего государя, конечно, достойно, но мало полезно. У меня несколько десятков отважных воинов, и рано или поздно вы все равно падете от их рук. Так что послание Ермолова окажется у меня еще до того, как солнце достигнет зенита. Спрашивается, какой смысл в напрасных жертвах? Я предлагаю тебе простое решение: ты сдаешься мне вместе с письмом, а людей твоих я отпускаю на волю. Неужели ты ценишь собственную жизнь дороже десятка жизней своих соплеменников? Подумай, даю тебе полчаса для совета с ними...

Болдин вернулся к своим в некоторой растерянности. А казаки в один голос заявили, что письмо Ермолова ни под каким видом супостатам отдавать нельзя, на то, дескать, и существует она, вестовая служба, чтобы начальственные депеши доставлять в целости и сохранности. Самой разумной оказалась Антонина, она предложила вскрыть письмо, чтобы ознакомиться с его содержанием. К ее словам отнеслись с полным пренебрежением, но она продолжала настаивать. Вы, спросила, куда должны были его доставить? В Чинахчи! А наших там уже нет, перешли в Шушу, потому и доставлять приказ нужно по новому адресу. И, может быть, в связи с этим оно потеряло свою важность. Задумались казаки. В военном деле ведь как: ежели начнешь думать, то недалеко до сомнений. Достал Болдин конверт и, чтобы долго не рассуждать, взял и вскрыл его. В приказе Ермолова полковнику Реуту предписывалось собрать полк в Чинахчах и, по возможности сдерживая противника, отступить к Елизаветполю. А далее, смотря по обстоятельствам, двигаться на Тифлис.

Болдин оценил обстановку первым:

– В сложившихся условиях сей приказ никакой силы не имеет. Поэтому считаю возможным выполнить условия персов: я сдамся им вместе с приказом, а вы продолжите путь.

Отряд протестующе зашумел.

– Тихо! – скомандовал Болдин с неожиданной твердостью. – Если сделаем так, счет будет 1 к 10 в нашу пользу, это хороший результат. – Потом, отозвавши Корнеича в сторону, о чем-то пошептался с ним и на прощанье поклонился: – Прощайте, товарищи, не поминайте лихом!

И краем глаза увидел, как лицо девушки вспыхнуло маковым цветом. «Прощай и ты, – сказал он про себя, – свидимся ли когда еще, один Бог знает».

Все произошло так быстро и решительно, что ни у кого не оставалось времени ни для обсуждений, ни для протеста.

В Карабахе располагался тогда 42-й егерский полк под командованием полковника Иосифа Антоновича Реута. Ему было уже за сорок. Начинать он свою службу на Кавказе еще

при генерале Цицианове, тогда же отличился и получил за храбрость Георгиевский крест. Семьи он не имел, откуда взялась дочка, никто не ведал, ибо отец все время отдавал службе. Солдаты его любили, называли промеж собой Рыжиком, это за цвет волос, он и в самом деле напоминал светлый крепкий грибочек, от взгляда на который радуется душа. И хоть по службе проявлял строгость, но, главное, поступал по справедливости, начальства не боялся и в угоду ему от своих правил не отказывался. Да по-иному и быть не могло в этих краях, где полковой командир на сотни верст почитался и за Бога и за царя.

К началу войны в распоряжении Реута вместе с прикомандированными казаками имелось чуть более трех тысяч человек и шесть орудий. Штаб с полковым хозяйством располагался в Чинахчах, имении князя Мадатова. Тот взял на себя обязанность довольствовать полк в обмен на хозяйственные работы, которые должны были производить солдаты. История говорит, что хитрый князь имел немало выгод от подобного сотрудничества, но мы, как говорится, истории такого рода не пишем, хотя практика использования солдат на хозяйственных работах по обустройству генеральских имений, была в то время обычным делом.

О нападении персов Реуту стало доподлинно известно 19 июля, когда армия Аббас-Мирзы перешла Аракс. Оно не стало неожиданностью, Реут неоднократно доносил об этом в Тифлис. Оттуда его донесения переправлялись в Петербург, где столичное начальство считало их блажью недалекого командира и потому никак не реагировало. С началом военных действий доброхоты донесли Реуту, что сильный отряд персов намерен запереть его в Чинахчах. Здесь у Реута было пять рот егерей, так как одна стояла в Шуше, а три – в Герюсах, горной части Карабаха. Приказа Ермолова о том, как действовать в сложившихся обстоятельствах, он, как мы знаем, своевременно не получил, об отступлении не помышлял и рассудил, что прежде всего необходимо собрать распыленные силы. А наилучшим местом, где можно какое-то время противостоять 60-тысячной армии вторжения персов, является крепость в Шуше, поскольку остальные пункты были совершенно не укреплены. Не медля минуты, он в ту же ночь сам выступил в Шушу и разослал по подразделениям приказ о сборе в этой крепости.

Крепость в Шуше, расположенная в отрогах Карабахских гор, имела семь верст в окружности и примыкала большей своей частью к малодоступным ущельям и скалам. Вошедши в крепость, Реут нашел ее в полуразрушенном состоянии и сразу же приступил к работам по укреплению. Поскольку в ней оказалось мало продовольствия и артиллерийских припасов, командир развил бурную деятельность: приказал собрать хлеб с жителей, чтобы выпекать его из расчета полтора фунта на брата, реквизировал окрестный скот, установил особый режим работы на мельницах, организовал с помощью местных умельцев изготовление пороха и горючих смесей.

Всего в крепости собралось около 1700 человек при четырех полевых орудиях, это в дополнение к трем старым пушкам, установленным на валах. Да еще удалось привлечь несколько сот плохо обученных местных ополченцев из армян. Нужно сказать, что все население с большим пониманием отнеслось к военным приготовлениям русских, ворчали только местные татары, не скрывавшие радости по поводу скорого появления персов, за что и поплатились: отчаянные крикуны были изгнаны из крепости.

Воспользовавшись некоторой заминкой в военных действиях, Реут решил пополнить военные и продовольственные припасы, для чего отправил охотников в Чинахчи за оставленным там имуществом. Несколько удачных поездок позволили привезти зерно и фураж, однако в связи с известием о приближении персидской армии больше такой возможности не представилось.

24 июля стало известно о разгроме батальона Назимова, а утром 25-го гарнизон зачернел от приближающихся персидских полчищ. Тогда же подошли казаки с урядником Корнеичем, который известил Реута о случившемся с ними происшествии и содержании приказа Ермолова.

– Припоздали вы с сим приказом, рад бы исполнить, да супостат мешает, – показал он на врагов. Потом понизил голос и сказал: – Ты про этот приказ молчи и своим накажи, чтоб не болтали, нет нам сейчас никакого резона, чтобы смущать народ отступными речами, понял?

– Как не понять, ваше высокоблагородие, – ответил Корнейч, – наша вестовая служба такая: передал и забыл.

Только теперь подошел Реут к дочке и увел к себе, где она ему рассказала о происшедшем.

– Не иначе как Бог тебя оберег, – вздохнул он, представив, что бы случилось, окажись она в составе разгромленного батальона, и тут же прорвалась заглушенная радостью встречи отцовская тревога: – Али молодой офицерик сманил? – Девушка зарделась и метнула в отца рассерженный взгляд. – Ну-ну, не пепели, человек-то хоть стоящий?

– Если персы его одного на наш десяток сменяли, наверное, стоящий...

В крепости сыграли тревогу. Реут собрал офицеров и объявил приказ об осаде, который заключил словами:

– Я совершенно уверен, что всякий из моих сотоварищей по долгу присяги, чести, преданности государю и любви к отечеству неизменно будет исполнять свою обязанность, не щадя себя до последней капли крови, имея в виду неперемное правило – победить или умереть и тем заслужить бессмертную славу.

Далее распорядился в соответствии с объявленным приказом, развел людей по местам, а Корнейча с казаками отправил в соседнюю деревню, расположенную над Шушой. Казаки, сказал, за стенами сидеть не привыкли, больше в поле промышляют, вот и порезвитесь, а заодно тамошних удальцов подучите.

На другой день перед воротами крепости предстал персидский представитель в форме явно с чужого плеча: красном мундире и золотыми аксельбантами. Со стен к нему долго присматривались, комендант майор Челябин все порывался выйти на переговоры, но Реут не пустил под предлогом, что персов нельзя баловать такой представительной фигурой. Пошлемка, решил, лучше капитана фон Ключенау, этот немчура порядок знает и, если что не так, живо его наведет.

Ключенау – природный австрияк, перешел на русскую службу в 1814 году. И хотя служил нам уже долго, своих привычек не растерял: вышел навстречу представителю твердым гусиным шагом, впери в него немигающие оловянные глаза и грозно спросил: кто таков? Тот растерянно представился торговым армянином из Астрахани, которому поручили вести переговоры с осажденными по причине знания им русского языка. Он собрался было приступить к делу, но Ключенау решительно оборвал его:

– Русские не привыкли разговаривать со всякой ряженой швалью. Так своим ханам и передай!

Повернулся, как на параде, и тем же гусиным шагом промаршировал в ворота крепости.

Все осталось на своих местах: русские продолжали укреплять крепость, персы обживались на новом месте, расставляли орудия и приступили к земляным работам. Похоже, что они чего-то ожидали. Спустя два дня дали знать о прибытии нового парламентаря, им оказался уже знакомый нам Мирза-хан. На нем была богатая персидская одежда, чалма, украшенная драгоценными камнями; роскошная, выкрашенная хной борода обрамляла холеное лицо – словом, весь вид не оставлял сомнения, что интересы персидской стороны представляет на этот раз важный сановник. Наши были вежливыми, но особенно не церемонились – завязали ему глаза и провели в крепость.

Перс знал толк в переговорах, держался уверенно и вместе с тем не раздражал русских высокомерием. Он сказал, что персидская сторона знает о приказе Ермолова, чтобы русские отходили к Шумле, поэтому не будет препятствовать в его выполнении. Более того, она помо-

жет с вывозом имущества, для чего предоставит свой транспорт. От русских требуется только одно: оставить Шушу и находящиеся в ней пушки.

Реут казался несколько озадаченным.

– Чем объяснить подобные благодеяния?

– Вы нашли хорошее слово для обозначения действий моего правительства, – сказал Мирза-хан. – Наш шах, да продлит Аллах годы его лучезарного правления, намерен пересмотреть статьи Гюлистанского договора и вернуть себе уступленные вам ранее земли. Как только наши войска достигнут прежних границ, война будет закончена. Мы не хотим озлоблять нашего великого северного соседа излишними жертвами и наносить ущерб его армии, мы говорим просто: отдайте наше и спокойно возвращайтесь в свои земли, чтобы жить с нами в мире и согласии.

Реут подумал и сказал:

– Я ничего не знаю о приказе генерала Ермолова, на который вы ссылаетесь...

– Нет ничего проще! – воскликнул перс. – Я пришлю вам этот приказ вместе с офицером, который его вез. Обстоятельства сложились так, что мы ознакомились с ним первыми.

– Что ж, – заключил Реут, – покажите нам сей приказ, а затем мы продолжим переговоры.

– Хорошо! – согласно хлопнул в ладоши мирза и его с прежними предосторожностями вывели за ворота крепости.

На следующий день он появился снова, на этот раз в сопровождении поручика Болдина, который выглядел, в общем-то, прилично, форму и знаки отличия имел неповрежденные. Он уединился с Реутом, который после короткого разговора вернулся к персу и объявил, что ознакомился с приказом генерала Ермолова, который действительно в случае появления значительных вражеских сил предписывает ему оставить Чинахчи. Он, полковник Реут, это и сделал. Но теперь, заняв здешнюю крепость, не может оставить ее без нового приказа и, пока он не последует, будет защищать ее, как велит присяга, данная государю и отечеству.

Перс был вовсе неглупым человеком и понял, что спорить в данном случае явной проволочки не имеет смысла.

– Тогда пусть говорят пушки, – объявил он и отправился восвояси.

А Реут поручил коменданту крепости допросить Болдина обо всем увиденном во время пребывания в плену и пошел по своим командирским делам.

Майор Челябин, – человек видный и решительный, начал спрашивать Болдина, как ему велели. Да только ничего особенного сообщить тот не мог, ибо содержался в строгой изоляции и лишь однажды подвергся допросу со стороны Шах-заде, командовавшего передовым войском Аббас-Мирзы. Болдин и тому не мог ничего сказать интересного, потому был оставлен в покое и иначе как на разменную монету не годился. Кое-что, однако, он успел заметить и, поскольку учился артиллерийскому делу, обратил внимание на весьма удачное расположение нашей крепости, стены которой были воздвигнуты на таких высоких склонах, что снаряды вражеских пушек не могли причинить особого вреда внутренним строениям: они либо натыкались на стены, либо перелетали их и попадали в нависшие скалы. Правда, в персидском лагере много говорили о каком-то новом чудо-оружии, привезенном под крепость. Это нечто вроде особых пушечных ядер, которые летают сами по себе по каким угодно траекториям и могут доставать цели за разными укрытиями. Одна беда: у персов нет умельцев, управляющих таким оружием, поэтому они ждут английских офицеров, способных научить их.

– А вам не пришлось видеть это оружие? – поинтересовался Челябин.

– К сожалению, нет, персы очень осторожны. По-видимому, речь идет о ракетах, я что-то слышал о них, вернее, о принципе их действия, когда движение осуществляется за счет сжигания внутреннего огня, который как бы отталкивает снаряд от воздуха...

Челяев тоскливо вздохнул и сказал:

– Мудрено говорить... И где они хранят эти свои ракеты?

– Сколотили особый сарай у подножия гор, с таким расчетом, чтобы наши пушки не могли в него попасть, рядом с ним устроили площадку, откуда, должно быть, и будут пускать. Все это, разумеется, строго охраняется.

– Значит, говорите, никак не достать?

– Из наших пушек никак... Хотя думать нужно.

– Вот и думайте. Отныне будете подчиняться лично мне, указание полкового командира на этот счет имеется.

И стал Болдин нечто вроде помощника коменданта крепости. В мирное время на такое положение осердился бы, поскольку должность эта малопочетная: организуй караульную службу, следи за арестантами, проверяй склады, лови дезертиров... Но когда начались военные действия, не до капризов, служи, где назначено, поскольку неизвестно, какая служба самая важная.

На следующий день заговорили персидские пушки. Грома было много, но особого вреда крепости и ее защитникам они не нанесли. Во второй половине дня была предпринята атака. Как и предполагалось, она произошла с северо-восточной стороны, где имелась хоть какая-то возможность доступа к крепости. Защитники, однако, были начеку и устроили несколько засад за скалами, загромождавшими путь. Враг отступил, потеряв два десятка бойцов. В этот же день он потерпел еще одно поражение при попытке обойти крепость сверху, где на заоблачных высотах располагалась деревня Шуша-кент. В ней жили храбрые армянские воины, они имели своих осведомителей в персидском стане и были своевременно оповещены о нападении персов. Жители засели в скалистых пещерах и достойно встретили врагов, истребив их более чем наполовину. Вместе с ними действовали и казаки под командой своего урядника, которые подивились мужеству и умению армянских воинов, так что обучать их боевому мастерству, как приказал полковник Реут, не потребовалось.

Хотя первый день принес решительный успех защитникам крепости, Реут понимал, что такое положение не будет вечным. Вечером призвал к себе казаков, похвалил их за проявленную доблесть, но сказал, что впереди предстоит более серьезные испытания и без помощи они долго не выстоят – есть ли охотники свезти его письмо генералу Ермолову? Вызвались, понятно, все. Реут приказал Корнеичу выбрать двоих по своему усмотрению, а сам пошел готовить письмо.

В эту ночь оба охотника тайком вышли из крепости и благополучно достигли Тифлисской дороги. К сожалению, на некоторое время удача отвернулась от них, и они были обнаружены персидской стражей. Началась погоня. Чтобы обмануть преследователей, они условились разъехаться и идти разными дорогами. Казаки имели приметливую память и не забыли только что пройденного пути. В горах им удалось запутать преследователей и наутро оторваться от них. Через два дня Ермолову стало известно о положении, в котором очутился полк Реута.

Понятно, что привезенные вести не обрадовали прославленного полководца, его положение было близко к отчаянному. Отовсюду поступали тревожные вести, ходили слухи о падении важных крепостей. Он спешно информировал государя, который в это время приехал на коронацию в Москву, и тот удостоил его 1 августа своим письмом:

«Сколь я ни избегал войны, я не позволю никогда, чтобы достоинство России терпеть могло от наглостей соседей безумных и неблагодарных. Приказываю немедленно выступить.

Вы христианский вождь русский, докажите персиянам, что мы ужасны на поле битвы, но что мирный житель может найти верный покров и всегдашнее покровительство среди стана вашего.

Был бы Николай Павлович прежний человек, может быть, явился к вам, у кого в команде первый раз извлек из ножен шпагу; теперь остается мне ждать и радоваться известиям о ваших подвигах, и награждать тех, которые привыкли под начальством вашим пожинать лавры».

Но пока это были, хоть и благожелательные, но только слова. Понадобится много времени, чтобы тяжелые колеса армейского механизма завертели с нужной силой, пришли в действие нижестоящие приказы и выступили к южным российским рубежам грозные силы. Сейчас же перед лицом многочисленного хищного врага стояли войска и заставы мирного времени, стояли несокрушимо, не помышляя об отступлении, тем более о сдаче.

Среди них находился и 42-й полк, командир которого, не допуская «подлой мысли о сдаче», спокойно и деловито готовил крепость к обороне. 1 августа он направил группу заготовителей, чтобы собрать урожай с прилегающих к крепости полей, но персы не дремали и постарались отрезать фуражиров от крепости. Тем пришлось прорываться к Эриванским воротам, которые оказались заложеными. Только выдержка и самообладание майора Челяева помогли избежать многих жертв. Наконец стало известно, что в скором времени к крепости прибудет сам Аббас-Мирза, и Шах-заде намерен преподнести ему подарок в виде покоренной Шуши. Наши доброжелатели упредили: штурм намечен на 3 августа со стороны Елизаветпольских ворот. Ночью часовые слышали шум от взбравшейся пехоты и дали знать дежурному офицеру. Тот объявил тревогу, Реут приказал не открывать огня до приближения противника. По его сигналу майор Челяев дал команду засветить огни устроенной подсветки – все вокруг ярко осветилось, и встреченные сильным огнем персы были вынуждены убраться восвояси. Канонада продолжилась, впрочем, она по-прежнему не причиняла защитникам крепости особого вреда.

Болдин был плотно занят обязанностями новой службы, и ничто постороннее его не отвлекало. Изредка видел Антонину, молодые люди сталкивались на каких-то перекрестках – крепостное пространство было весьма ограничено, – и, дружески улыбнувшись, каждый следовал по своим делам. У Павла их было много, но среди прочих не давала покоя мысль о имевшемся у персов том самом новом оружии. Своим беспокойством он заразил и майора Челяева, тот даже сделал несколько попыток узнать, что скрывает сарай, возведенный у подножия скал, но они оказались безуспешными, так как все подступы к сараю строго охранялись.

– Что ж, если к нему нельзя подобраться по земле, попробуем с воздуха, – сделал неожиданное предложение Болдин.

– Это как?

– Древние греки метали из крепостей зажигательные смеси в стан противника, думаю, мы не дурнее тех, кто жили тысячелетия назад.

Челяев недоверчиво покачал головой.

– Смола, нечто вроде греческого огня, у нас найдется, а вот чтобы метнуть ее, это сомнительно: до персов чуть ли не с полверсты будет...

– Как-нибудь исхитримся, я вот что придумал...

Он отвел майора в сторону и стал что-то ему объяснять, сопровождая рассказ рисунками на земле. Майор, казалось, не очень вникал в объяснения и все порывался уйти, но Болдин был настойчив, и Челяев, похоже, сдался: махнул рукой и предоставил право молодому помощнику поступать по-своему.

Вскоре на северо-восточной стороне крепости застучали плотницкие топоры, там начало возводиться какое-то сооружение. Крепостные валы скрывали от противника ведущиеся работы, а своим было и до того недосуг. Были и другие чудеса: из батальонов отобрали пару десятков рослых длинноруких солдат и куда-то увели для обучения. В крепости, готовящейся для отражения вражеского приступа, дел много у всех, никто друг к другу не присматривается и друг за другом не следит – обучают, значит, надо.

Между тем во вражеском стане стало заметно оживление, это все равно как в деловитую муравьиную кучу плеснуть тепленькой водички, муравьи сразу засуетятся и начнут бегать более обычного. Причина скоро выяснилась: завтра, накануне прибытия Аббас-Мирзы, Шах-заде решил предпринять новый штурм, чтобы положить ключи непокорной крепости к ногам

повелителя. Персидский военачальник не стал даже дожидаться прибытия англичан, чтобы те запустили свои адские машины, нрав принца суров и непредсказуем, задержка армии перед жалкой крепостью уже вызвала его гнев, только взятие крепости сможет остудить его.

Крепость, предупрежденная доброжелателями, приготовилась к новому штурму, то же и Болдин со своей командой.

Сначала все происходило как и прежде: персы с криками лезли в гору, наши стрелки, укрывшиеся за стенами и скалами, их расстреливали, так что к самой крепости те не смогли даже приблизиться. Однако враги, подгоняемые своими начальниками, упрямо продолжали напирать. В это время произошло нечто необычное: вступила в действие «артиллерия» Болдина. Две спешно сооруженные катапульты начали метать в наступающих бочонки со смолой. К ним были приделаны тлеющие фитили, так что смесь, вылившаяся из разбитых бочонков, воспламенялась, и скоро пламя стало сплошной стеной. Испуганный враг, опасаясь быть отрезанным огнем, бросился назад, на исходные позиции. Этого только и ждала команда Болдина. Спустившись к самому огню, солдаты стали метать огненные бомбы далее вниз, где находился сарай с неведомым оружием. Не все они, понятно, достигали цели, но для быстро ползущего по земле огненного чудовища это и не было важно, оно поглощало все, стоящее на пути, и скоро подступило к сараю, вспыхнувшему ярким костром. Дело было сделано, и Болдин велел давать сигнал к отходу. Позже из персидского стана им сообщили, что неведомые и страшные ракеты, которыми персы намеревались испепелить крепость, сгорели и более не представляют угрозы.

Несмотря на военные успехи, условия жизни шушинского гарнизона становились тяжелее с каждым днем. Пища была скудна, угнетала необыкновенная скученность, но более всего – кажущаяся безысходность и неопределенность положения. Ходили слухи об успехах персов и отходе наших войск по всем направлениям, чуть ли не за самый Кавказский хребет. Из всех россиян будто бы только их гарнизон продолжает сопротивляться без всякой надежды на выручку. Тревога усугублялась тем, что от Ермолова не поступало никаких вестей, уже потом станет известно, что посылаемые им депеши перехватывались врагом. Полковник Реут страдал от такой неопределенности, но вида не подавал. После успешного отражения очередной атаки он написал генералу Ермолову такое письмо.

«Ваше высокопревосходительство! Сегодня уже 12-й день как я атакован. Шах-заде настоятельно требует сдачи крепости, ссылаясь на ваш дубликат ко мне о выступлении из Карабага, предлагал мне идти с полком и тяжестями, куда я хочу, только без пушек. Я делаю проволочку в надежде получить от вашего высокопревосходительства какое-нибудь уведомление, как мне поступить, и прошу о сем наиспешнейше. Провианта у меня не так-то много, как-нибудь можно про довольствоваться дней 20 с небольшим. Ежели буду знать, что до того времени получу какую-нибудь помощь, то одна надежда уже может нас воодушевить. Но вот беда, мы совершенно не знаем ни о чем, а персы уверяют, что, кроме нас, до Тифлиса нигде нет русских ни души и что в Тифлисе также скоро не будет...

Народ против нас весьма ожесточен своими муллами, требует штурма. Все готово, и лестницы поделаны, стены моей крепости весьма меня в сем случае беспокоят. Впрочем, на сие есть воля Божия. Умилостивитесь, ваше высокопревосходительство, над нами, и ежели есть возможность, то помогите и будьте нашим избавителем; а ежели сего невозможно, то пришлите наипоспешно распоряжение и совет свой, что нам делать. Пока можно, я буду держаться в надежде на вашу помощь.

Если ваше высокопревосходительство поспешите, то отдохнут сердца наши, ибо теперь одно незнание и неизвестность весьма нас убивают. Я убежден, что если только покажется войско наше возле Елизаветполя, то уже здесь наша участь будет облегчена, бедные армяне также оживут... Я при теперешнем числе войск утешаю себя тем, что удерживаю неприятеля уже так долго, иначе мог бы он пойти вперед и вредить нам более.

Предписание ваше о выступлении из Карабага слишком поздно до меня дошло; я его получил, будучи уже атакован и потерявши три роты. Если бы не боялся я за провинции Карабаг, то Шах-заде вовсе для меня не был бы страшен, теперь защитите нас, ваше высокопревосходительство, и будьте нашим избавителем. С нетерпением буду ждать ответа».

Окончив послание, призвал Реут урядника Корнеича и поручил ему избрать доверенных казаков для его доставки в Тифлис.

– Только учти, старина, – заключил он, – в сем письме наша надежда, так своим и скажи, пусть готовятся душу положить за други своя. Многих, однако, не посылай, здесь люди дороги.

Корнеич усмехнулся:

– Наша служба многолюдья не требует: сам в корню, две ляжки в пристяжке – и пошел.

– Ну-ну, – согласился полковник, хотя сразу и не понял, что за отряд будет доставлять его послание.

Между тем персы продолжали блокаду крепости. После неудачного приступа и уничтожения ракет они лишь некоторое время пребывали в растерянности, которая усугублялась приездом Аббас-Мирзы. Принц бушевал во всю силу своего нрава, казнил виновных и невинных, мастера заплочных дел трудились днем и ночью, так что над персидским лагерем повис тяжелый и липкий страх. Дела нашлись всем, особенно хану Алаяру, ведавшему персидской разведкой. Вокруг его стана сновали какие-то темные личности, слышались вопли истязуемых, прибывали на взмыленных лошадях гонцы.

А в крепости продолжалась своя жизнь: солдаты зорко следили за врагом, в свободное от караульной службы время поновляли крепостные стены, заделывали повреждения, помогали изготавливать порох и боеприпасы. Отчаянные охотники делали вылазки и нападали на персидские сторожевые посты – словом, все шло своим чередом. Но такой порядок не мог продолжаться долго, ожидали решительных событий.

Поздним вечером в окошко комнаты, которую занимал Болдин, раздался осторожный стук. Он выглянул тотчас же – жили все время настороже, спали не раздеваясь. В темноте поручик разглядел Антонину, она приложила палец к губам, призывая к молчанию. В появлении девушки не было ничего предосудительного, офицеры шутили: у нас теперь жизнь беспололая, вернее, пол у всех один – осадный.

– Павел Петрович, – обратилась она к нему, – нужна ваша помощь.

Оказалось, что ее прислуга, старая армянка, случайно услышала, что несколько местных татар, оставшихся в крепости, вошли в тайный сговор с персами и задумали открыть перед ними крепостные ворота.

Болдин задумался. Речь идет, по-видимому, об Эриванских воротах, тех самых, в которые уткнулись наши фуражиры, выходявшие для сбора урожая 1 августа. Эти ворота тогда спешно разблокировали, да так толком и не заложили, чтобы иметь запасный вход на крайний случай. Но когда их могут открыть? Враг хитер, вести оттуда приходят разные, не станешь же после каждого шепотка играть тревогу.

– А кто из наших татар в сем деле замешан?

Антонина пожала плечами.

– Точно сказать не могу, хотя догадать несложно, их в крепости осталось мало. Наверняка замешан Азиям – парень молодой, бедовый, отца его изгнали, а он остался за домом следить. Ну, и его приятели, должно быть, тоже...

Болдин подумал и сказал:

– Тревогу поднимать не станем, попробуем сами разобраться, но дополнительный пост у ворот на всякий случай выставлю. Пока же пройду к воротам сам.

– И я с вами, – вызвалась девушка.

Ночь стояла тихая, воздух был прозрачен, с неба свешивались большие яркие звезды. Здесь, на вершине мироздания, можно по-настоящему ощутить бесконечность мира и жалкую

сущность повседневного бытия. Павел хотел было выразить свои ощущения, но вдруг почувствовал, что любые слова покажутся мелкими и ничтожными, потому молчал. Девушка тоже не решалась нарушить тишину ночи. Так двигались они совершенно бесшумно и наконец приблизились к Эриванским воротам. На первый взгляд тут было все спокойно, недалеко прохаживались часовые.

– Мне вообще-то не везет на поиски, – прервал Болдин затянувшееся молчание, – еще с учебы в кадетском корпусе повелось: ежели какая игра, ну там в сыщики, прятки или разбойники, моя сторона обязательно проигрывает. Меня под конец уже никуда брать не стали, так и называли: плюк. Это значит полный неудачник, за что бы ни взялся, плюк, он и есть плюк.

Антонина посмотрела в его сторону и усмехнулась:

– Вы уж не наговаривайте на себя, Павел Петрович. Думаете, не вижу, как вы везде поглядываете да все разглядываете? То и дело на вас натыкаюсь...

– Это не я, а должность моя, от вас тоже, гляжу, не скрыться.

– Это не я, а должность моя... – засмеялась Антонина, – я у батюшки навроде старшего адъютанта. Едва проснетесь, спрашивает: нынче кто в караул идет, кто на какие работы наряжен, кто куда выступает, вот я ему про весь разнаряд и рассказываю. Иногда случается напоминать, где обещал быть и с кем переговорить, вы же мужчины бываете такими бестолковыми, удивляюсь, как вам важные дела доверяют.

Павел решительно вступился за сильную половину человечества:

– Воображаю, что было бы при вашем женском руководстве.

– Не скажите, – живо отозвалась девушка, – еще совсем недавно всем государством руководили и справлялись не хуже вашего. Батюшка вспоминает, что тогда, при Екатерине Алексеевне, порядок был получше теперешнего. Может быть, новый государь дело выправит. – Она помолчала и спросила: – Вам доводилось его видеть?

– Как же, – приосанился Павел, – говорил, как сейчас с вами.

– Ну и как он?

– Строг, порядок любит, справедливость...

Слова прозвучали не очень убедительно, как-то казенно, и Павел решил уточнить:

– Мне по прежней столичной службе приходилось частенько в гарнизонные караулы ходить: в Петропавловскую крепость, на гауптвахту, гарнизонные склады, ну и прочее. Однажды заступили в караул при гарнизонной гауптвахте. Туда как раз пересыльных пригнали, и надо ж такому случиться, что в нее Николай Павлович пожаловал, он тогда еще в великих князьях пребывал. Ну, все как обычно: велел построить арестантов и стал спрашивать, кто за что сидит. Каждый, понятно, вину свою умаляет: один говорит по подозрению в поджоге, другой по подозрению в грабеже, третий по подозрению в убийстве – все вроде как зазря. Лишь один старик повинулся: за дело, говорит, батюшка великий князь, во хмелю по пьяному делу убил приятеля – хватил его в висок, силы своей не соразмерив. А и славный был человек, хотя подлец, конечно, немалый. Но дело не в этом, а в том, что осиротил я его семью и греха этого не отмолить мне вовеки. Николай Павлович задал ему еще несколько вопросов и, узнав, что тот имеет на родине жену и детей, сказал так: «Здесь, как вижу, все невинные, преступник же один – вот он, и чтоб не портил он более сих честных людей, взять его из острога и отправить на родину к своему семейству». Вот какому делу я был доподлинный свидетель, – заключил Павел.

Антонина вздохнула.

– Это хорошо, когда государь милосердие проявляет. Служба воинская тяжелая, нужно, чтобы людей жалели. Раньше-то не в пример нынешнему нравы были жестокие. На этом самом месте гауптвахта крепостная стояла, которая никогда не пустовала, потом ее отсюда убрали, сделали лавку, в ней какой-то перс торговал галантереей, потом и ее убрали, а строение недавно

вовсе сломали. У меня с той поры только и остался шелковый платочек, – указала она на красную полоску, выглядывающую из-за пояса, – а теперь, как видите, совсем ничего.

В это время с противоположной стороны крепости послышался какой-то шум.

– Это у Елизаветпольских ворот, – сказал Павел, – пойду узнавать, в чем дело, узнаю и тут же вернусь, а вы пока притаитесь...

В ответ на указание помощника коменданта Антонина пренебрежительно двинула плечом, но тот исчез в темноте и этого не заметил.

У северо-восточных ворот крепости собралась небольшая толпа, говорили громко и непонятно, при неровном свете факелов удалось разглядеть, что это были местные армяне. Посреди толпы стоял молодой татарин, который втянул голову в плечи и затравленно озирался. Павлу с трудом удалось узнать, что это он со своим пособником намеревался открыть ворота, оглушил стражника и был пойман на месте преступления. Суд собрался быстрый и скорый.

– Где пособник? – спросил Павел. Ему указали куда-то наверх, он поднял голову и увидел на крепостном валу несколько человек, это были, по-видимому, исполнители приговора. – А что вы хотите сделать с этим?

Толпа возбужденно закричала, ее настрой не оставлял сомнений в самых решительных намерениях.

– Так не годится, друзья, – заговорил Болдин, – мы не какая-нибудь воровская шайка, где все вершится самосудом. Нужно расспросить его, узнать, кем послан и с кем связан, может быть, тут у них еще пособники остались, а как выясним, тогда и осудим, от вины своей он не уйдет.

Но толпа грозно кричала и не имела никакого желания прислушиваться к словам помощника коменданта.

– Отойди, ваше благородие, – сказал ему армянский староста Григор, – нам и без разборок ясно, кто он да с кем связан, вот к ним его без лишних слов сейчас и отправим...

Он сказал что-то своим помощникам, и те стали толкать татарина на вершину вала. Болдин, пожалуй, впервые воочию почувствовал силу и несокрушимость толпы, охваченной единым порывом. Словно по мановению волшебной палочки, преступник был взметен наверх и по согласному воплю сброшен вниз на острые скалы. Его отчаянный крик несколько мгновений гулял по пропасти, дробясь на каменных утесах.

Павлу какое-то время было не по себе. Вот она, человеческая жизнь – такая тонкая ниточка. Лишь несколько мгновений назад перед ним стояли живые, залитые страхом глаза, и уже нет ничего, только вечная ночь. И тут мелькнула мысль: а ведь они с Антониной ждали перебежчиков с другой, противоположной стороны. Трудно было даже предположить, что те воспользуются строго охраняемыми Елизаветпольскими воротами. Какое-то тревожное чувство охватило Павла, и он поспешил назад к оставленной девушке.

У Эриванских ворот было тихо и спокойно. Он несколько раз окликнул Антонину, но ответа не услышал. Стремительно взобрался на стену и спросил у часового, тот уверил, что ничего особенного в последнее время не произошло. Боже мой! Куда же она могла подеваться? Павел бросился к майору Челяеву, тот не спал, Павлу вообще еще ни разу не удавалось застать его спящим. Он сообщил ему о пропаже девушки, майор встревожился тоже. Полковника решили пока не беспокоить, хотя у прислужницы-армянки вызнали, что девушка домой еще не возвращалась. Челяев поднял в ружье комендантский взвод и приказал удвоить караулы, а сам вместе с Болдиным отправился к Эриванским воротам.

Посмотрели все в который раз, чуть ли не каждый камешек перевернули и под конец только одно нашли: красный платочек, которым Антонина перед Павлом похвалялась, он в расщелине приткнулся, только уголок выглядывал. «Ну не под землю же она провалилась», – сказал себе Болдин, а майор услышал и отозвался: «Может, и под землю, будем искать, пока не найдем». Приказал он тогда Болдину перебраться через стену и притаиться напротив черного

скального камня. Будете, сказал, сидеть тишком, покуда филин три раза не прокричит. Как услышите, подойдете к камню, прочтете в течение трех минут «Отче наш» и справа найдете старый сук. Нажмете на него, крепко нажмете, покуда шкворень из цапфы не выйдет и сук начнет свободно двигаться. Тогда потяните за край камня, он повернется, как дверь, и начнете принимать гостей. Возьмите браслеты для привета. Все поняли?

– А почему три минуты на молитву? – поинтересовался Болдин.

– Для внятности и вникания. Всякое дело с молитвы надобно начинать, – назидательно пояснил Челяев и заключил: – Дело сугубо тайное, никто знать о нем не должен, потому на помощников не надейтесь, за все будете отвечать сами.

Перебрался Болдин через стену, нашел укромное место и притаился, как было сказано, а Челяев позвал армянского старосту Григора, о чем-то пошептался с ним и приступил к своим действиям. У местных армян была в крепости своя мастерская, изготавливали порох и разные горючие вещества, оттуда принесли небольшой шар, навроде пушечного ядра. Взял его Григор и, отославши всех восвояси, остался вдвоем с майором. Над чем они там мудрили, никто не ведал, потому как все остальные рыскали по крепости в поисках исчезнувшей девушки. А Павел, как и было велено, сидел в своем укреме тише воды и ниже травы. Так прошло немало времени, к нему даже сон уже начал подступать, как тут раздался условленный сигнал. Встряхнулся Павел и стал действовать, как велел Челяев. Немного не заладилось с открытием, сук никак не хотел поддаваться. Начал он сызнова читать молитву, более внятно, и чудеса – дрогнул-таки сук и поддался, а там и вовсе пошел легко. Отодвинулся камень, а за ним из черного отверстия таким отчаянным смрадом потянуло, что у Павла запершило в горле и выбило из глаз слезы. Он набросил платок на лицо и решил терпеть, сколько будет можно, не обнаруживая себя. Терпение скоро было вознаграждено: из лаза с трудом выполз человек, и Павел рванулся к нему. Впрочем, спешка была излишней, поскольку выползший сразу же обездвигел и никакого сопротивления оказать не смог. Однако на всякий случай Павел во избежание неожиданностей защелкнул на нем наручники. Прошло еще несколько минут, и со стороны лаза послышался новый шум. Теперь в нем показалась голова, обмотанная тряпьем. Освободившийся от него человек стал судорожно глотать воздух, и, когда повернулся к свету, Павел узнал в нем майора Челяева.

– Помогите же, – прохрипел он и указал на темный лаз.

Павел, затаив дыхание, нырнул туда и почти сразу обнаружил девушку, та была без сознания. Он вытащил ее на поверхность и стал приводить в чувство, это удалось не сразу, прошло довольно времени, прежде чем она очнулась и зашлась в глубоком кашле.

Челяев вместе с Болдиным водворил камень на место и с особой тщательностью обследовал его положение, проверяя правильность установки, а затем подал сигнал, по которому им с вершины стены сбросили веревочную лестницу. Скоро без особых препятствий все четверо снова оказались в крепости. Майор приказал о происшедшем не распространяться, причем это касалось в основном Павла, поскольку Антонина все еще была не в себе, а перс вообще потерял язык от страха.

Павел догадался, что на месте старого караульного помещения существовал тайный подземный ход, о котором мало кто знал. Мало не мало, а персы вызнали – выходит, кто-то им об этом нашептал. Майор по этому поводу долго не распространялся, пояснил просто: крепость долгое время была без надлежащего надзора, поэтому многие ее тайны перестали быть таковыми. Он приказал старый тайный ход заделать и прокопать новый, потому супостат заблудился и вместе с пленницей едва не задохнулся. А когда камень с внешней стороны крепости отвалили и дым стал вытягиваться, они выползли прямо в наши руки. Ничего, дыма, конечно, наглоотались, но это не смертельно, через день совсем оклемаются.

Так вполне благополучно закончилось дело с похищением командирской дочки. Предполагалось, что, если оно удастся, полковник Реут проявит сговорчивость и согласится на все

условия персидской стороны. Реут, конечно, был доволен таким исходом дела, хотя высказал обиду, что его держали в неведении. Но это так, между прочим, а сам на следующий день пригласил основных участников акции к себе на обед. Разносолов там особых не было, зато вина, сколько хочешь, и, разумеется, отцовской благодарности через край. В конце обеда растроганный отец наклонился к Павлу и признался:

– Я сначала был против вас несколько предубежден – этакая, думаю, столичная штучка, залетела за быстрой славой и легкими чинами, а теперь вижу, что ошибся, прошу прощения. Хочу еще одно дать вам поручение, деликатнейшее, чтобы только между нами, понимаете?

Павел не ожидал такого доверия и еле заметно кивнул.

– Вот и ладно, приходите ко мне вечером, тогда и поговорим.

Павел с трудом дождался окончания обеда, но, как вести себя с майором, не знал: с одной стороны, он его начальник, в такой как у них, службе секретов вроде бы не должно быть, а с другой стороны, полковник предупредил, что дело деликатное, так и сказал: между нами. Решил тогда это дело таким и оставить: между ними. К вечеру, как было сказано, явился он к Реуту и получил его задание: нужно-де встретить человека, которого послал генерал Ермолов со своим приказом, и препроводить его к нему, но чтобы о том никто не ведал. Павел от оказанного доверия был сам не свой, однако чувства свои сдержал и заверил, что задание выполнит с честью. Реут сказал, где следует встретить посланца, сообщил пароль, и Павел отправился выполнять задание.

Он обосновался на привычном месте у Эриванских ворот. Ночь была темной, и Павел боялся, что разминется с лазутчиком, так как тот, не знакомый с крепостью, может не попасть на условленное место. Но опасения оказались напрасными: где-то около полуночи он увидел, как мимо мелькнула тень, и подал условленный знак. Через мгновение они уже обменялись дружескими рукопожатиями. С вала, как было условлено, им была спущена лестница, и бывшего, по виду обычного армянина, он препроводил к командиру полка.

Наутро был собран военный совет. Реут, облаченный в парадную форму, зачитал послание, полученное от генерала Ермолова:

«Я в Грузии. У нас есть войска и еще придут новые. Отвечаете головой, если осмелитесь сдать крепость. Защищайтесь до последнего. Употребите в пищу весь скот, лошадей, но чтобы не было подлой мысли о сдаче крепости».

– Друзья мои! – продолжил Реут. – До сей поры мы пребывали в неопределенности, так как не имели связи с командованием, но, верные святому воинскому долгу, не помышляли о том, чтобы оставить крепость и сдаться врагу. Никакие соблазны не заставили нас помыслить о том, чтобы отойти без приказа от российских рубежей. Давайте и впредь исполнять свой долг, хранить верность царю и отечеству!

Карабах, как считают наши начальники, это ключ всех провинций и его нужно удерживать, ибо тогда никто не посмеет ничего сделать. Пока видим, что делаем персам препятствие, будем держаться до последних сил.

Более ничего такого высокого полковник говорить не стал. Рассказал, как жила и оборонялась крепость последние дни, кого похвалил, кому сделал замечание, а комендантскую службу отметил особо, и хотя никакие фамилии не упомянул, без того всем было ясно.

Офицеры расходились в явно приподнятом настроении, некоторое время и Болдин чувствовал гордость по причине своей причастности к происшедшим событиям. Это даже майор Челяев заметил: «Что-то вы заважничали, поручик, в последнее время. Болдин как можно равнодушнее пожал плечами, как бы давая понять, что не понимает майора».

– А этого армянина, кто письмо от генерала Ермолова привез, больше не встречали? – Смущенный Павел молчал. – Конечно, нет, он ведь из Шуши-кент, спустился оттуда, да туда же затем и вернулся.

Заметив недоумение Павла, он усмехнулся:

– Эх, поручик! Секреты, конечно, хранить надо, но и думать следует. Откуда полковник Реут мог знать, что именно в этот день и час из самого Тифлиса прибудет послание генерала Ермолова? Разве сорока на хвосте принесла или... или?..

– Он сам его и отправил...

– Разумение, хотя и поздно, но пришло.

– Но для чего?

– А разве сами не видели, как обрадовались офицеры? Военный человек без надежды жить не может, вот вы с полковником всем нам надежду и подарили. Но это сказано только вам для понимания важности нашей службы, а остальные, понятно, догадываться ни о чем не должны. Ясно?

Болдину, конечно же, было ясно, но гордости после такого разоблачения за свою новую службу у него не убавилось.

На следующий день в крепость явился представитель Аббас-Мирзы с приглашением на переговоры. Офицеры хотели было бросить жребий кому идти, но Реут напомнил: у нас-де есть штатный переговорщик – и велел идти капитану фон Клюгенау.

– А и верно, очень им понравилось, как тот гусиным шагом выступает, – посмеялись офицеры.

Капитан отправился, как и положено официальному представителю, с флагом и барабанщиком. Встречен он был тоже официально: почетным караулом шахской гвардии. Это у них так было заведено, чтобы все публичные мероприятия с участием принца обставлялись с помпой. Клюгенау ввели в шатер, где он приветствовал Аббас-Мирзу. Тот выглядел весьма надменным, лишь слегка наклонил голову в ответ и заговорил сквозь зубы:

– Я уже потерял всякое терпение и не могу быть более снисходительным к вам и к жителям города. Мое войско требует нового штурма, но я не хочу кровопролития. Я ждал, полагая, что вы образумитесь. Теперь не в моей воле сдерживать стремление моих храбрых войск. Я и так потерял много времени через свою снисходительность.

Это были пустые слова, в них выражалась досада и уязвленное самолюбие, слова, которые не требовали какого-либо ответа, и Клюгенау молчал. Принц встал со своего изящного подобия трона и подошел к нему, возвышая голос:

– Неужели вы думаете, что я пришел сюда из-за одной Шуши? У меня еще много дел впереди, и уверяю вас, что соглашусь на заключение мира только на берегах Москвы.

Тут Клюгенау не смог сдержать легкой улыбки, и Аббас-Мирза продолжил:

– Клянусь честью, вы не получите помощи. Вы, верно, не знаете, что ваш государь ведет междоусобную войну со своим старшим братом, и, следовательно, ему не до Кавказа. Я предлагаю вам почетные условия сдачи: гарнизон выйдет из крепости с оружием и имуществом. Только оставит пушки.

Клюгенау решил на ехидное замечание:

– А пушки-то зачем? На пути к Москве у вас будут сотни других, лучших.

– Нам нужны эти, – не понял иронии принц. Помолчал и добавил: – Что же касается Ермолова, то его уже давно нет в Тифлисе. Итак, принимаете ли вы мои условия сдачи или намерены упорствовать, подобно твердолобым баранам?

В свите принца раздались угодливые смешки, но разом смолкли, когда тот сурово оглянулся. Клюгенау никак не среагировал на прозвучавшую грубость и невозмутимо заговорил:

– Я не имею полномочий вести переговоры о сдаче крепости, но ежели вашему высочеству угодно обладать Шушой, обратитесь в Тифлис к генералу Ермолову, который предпишет нам оставить крепость, если только удержание Карабаха не входит в его соображение.

– Мне незачем посылать в Тифлис, – крикнул Аббас, – я уже сказал, что Ермолова там нет.

– У нас другие сведения. Но где бы ни был наш командующий, крепость без его приказа мы сдать не можем.

Принц пробормотал ругательство и сделал знак, по которому капитана вывели из шатра. И только он достиг ворот крепости, как разом заговорили все неприятельские пушки.

В крепости сыграли тревогу.

Принц погнал своих людей в новую атаку, но это не был стремительный бросок на противника. Люди шли, повинувшись безотчетному страху перед яростью принца. Они считали себя приговоренными к смерти: впереди ожидал огонь непокорных гяуров, а сзади, не знающий пощады и жалости Аббас-Мирза. Реут выдвинул для их встречи гренадер – так стали называть длинноруких солдат, с помощью которых недавно были сожжены ракеты персов. Гренадеры в русской армии – отдельный род войск, у них своя форма и особая шляпа, без полей, это чтобы не мешала метать гранаты (гренады). Официально в пехотных полках гренадер иметь не полагалось, они были сведены в специальные гренадерские соединения, но чего не сделаешь по необходимости? Армяне в своей мастерской наделали бомб-самоделок, с их помощью и решили на этот раз отогнать супостата. А тех, кто станет их метать, по-иному и назвать нельзя.

Начали гренадеры свое шумное дело, и земля словно в ад превратилась: грохот, взрывы, огонь... Урон врагу, правда, небольшой, самоделки, они и есть самоделки, но страх, конечно, нагнали немалый. Стали сарбазы на землю валиться, уши затыкают, кричат что есть мочи, гром усугубляя, – словом, сушая преисподняя. И продолжалось так, покуда гранаты не кончились, но персы об этом так и не узнали, поскольку в их ушах еще долгое время стоял ужасный шум и головы звенели, как медные тарелки.

Аббас-Мирза приказал остановить атаку и предложил продолжить переговоры. Был послан тот же Ключенау.

– Ну что, одумался ваш полковник?

– Мы оставим Шушу, когда получим приказ Ермолова.

– Хорошо, пошлите в Тифлис своего офицера, а до получения приказа пусть будет перемирие. Даю вам девять дней.

Договорились также, что на это время под присмотром персов можно будет пользоваться соседними мельницами для помола крепостного зерна. Наблюдение за условиями перемирия в Шуше должны будут осуществлять два знатных персидских представителя, а заложником их безопасности станет комендант крепости, которого надлежит отправить в персидский лагерь. На следующий день в Тифлис с новым письмом полковника Реута в сопровождении одного из казаков отправился капитан Ключки фон Ключенау, больно уж ему понравились посольские обязанности.

Условия жизни гарнизона заметно улучшились, хотя Реут не позволял расслабляться, да и персы не дремали. Наши доброжелатели сообщили, что те начали копать подземные ходы, намереваясь с их помощью проникнуть в крепость. К известию отнеслись, в общем-то, беспечно, поскольку из-за скального грунта копать врагу придется долго. Действительно, на одном участке работы были скоро прекращены, но на другом продолжались с удвоенной интенсивностью. Болдин обратился к Реуту с предложением сделать вылазку и завалить подземный ход, но тот не разрешил. Во-первых, сказал, у нас перемирие и не нужно давать врагу повод для упреков, а во-вторых, пусть копают...

Увидев недоумение на лице помощника коменданта, пояснил:

– Об этом подземном ходе мы уже знаем, пусть копают под нашим наблюдением, им еще долго трудиться. А завалим его, они в другом, неизвестном месте начнут, на суету, как говорится, угомона нет...

В ожидании время тянулось медленно, но вот прошли и отведенные для перемирия девять дней. Ключенау не возвратился, ответ Ермолова, адресованный полковнику Реуту, был доставлен сопровождающим казаком. Он гласил:

«Защита Шуши одна может сделать вам честь и поправить ошибки. Извольте держаться и не принимать никаких предложений, ибо подлецы вас обманывают. Зачем прислали Клюки, который вам нужен? Он лучший ваш помощник. Защищайтесь. Соберите весь хлеб от беков – пусть с голоду умрут изменники. Великодушно обращайтесь с армянами, ибо они хорошо служат...»

Реут к такому ответу был, в общем-то, готов, знал о расположении наших войск и видел, что Шуша находится в глубоком тылу противника. Чтобы ее деблокировать, понадобилась бы целая дивизия, вряд ли сейчас генерал Ермолов располагает такими силами. Но надежда все-таки не покидала его, и он старался внушить ее подчиненным.

– Ничего, ваше высокоблагородие, – отвечали ему солдаты на призывы набраться терпения, – мы подождем. Уж ежели будет совсем немоготу, мы по жребию есть друг друга станем, но не сдадимся этим грязным кизильбашам.

Что ж, если шутят, значит, силы еще есть и дух крепок, однако допустить до самого края никак нельзя, в этом и заключается сейчас главная задача полкового командира – так рассуждал Реут. Единственное, что поначалу его обеспокоило, так это тон письма Ермолова, но скоро и эта обида прошла, потому что понимал, как трудно сейчас генералу. Сам же он вины за собой не чувствовал и решил, что доказать это сможет только своими действиями.

Вместе с письмом генерала Ермолова была доставлена и записка от капитана Клюгенау. Тот сообщал, что генерал встретил его холодно, с упреками якобы на неправильные действия полка, но после данных объяснений несколько успокоился и приказал ему состоять в отряде, который формирует генерал Мадатов для противодействия полчищам Аббас-Мирзы, но куда именно направится отряд, пока еще неясно.

По прошествии отведенных девяти дней персидская сторона напомнила о прежней договоренности по поводу сдачи крепости. Реут сослался на отсутствие сведений из Тбилиси, персы решили подождать еще два дня. Когда прошли и они, Реут выслал из крепости персидских заложников и потребовал вернуть майора Челяева. Болдин, сопровождавший заложников, нашел майора в добром здравии, условия его содержания были вполне приличными, а относительная свобода, которой тот пользовался, позволила собрать интересные сведения. Он, в частности, сообщил, что лезгины из нагорного Дагестана прислали послов просить помощи против русских и в знак своей верности привезли локоны жен и рукава их платьев. Аббас-Мирза внял таким трогательным изъявлениям покорности и отправил царевича Александра с деньгами на поддержку бунтовщиков. А вслед за ним в северный Дагестан и Чечню с английским золотом отправился злейший враг России хан Сурхай, чтобы взбунтовать тамошних разбойников. Были иные свидетельства вероломства персов, они и здесь проявились в полной мере.

Аббас-Мирза, взбешенный непокорностью Шуши, отказался возвратить майора Челяева. А насчет своих заложников, которые пришли из крепости, сказал, что этих болванов можно отправить назад, тогда они принесут пользу хотя бы тем, что русским потребуется их кормить. В таком виде Болдину передали слова принца. К самому же его не допустили и под угрозой смерти велели немедленно убираться вон. «И что тут можно сделать против коварных азиатов?» – думал Болдин, возвращаясь из персидского лагеря. Полковник Реут тоже, конечно, возмутился, но и ему более ничего не оставалось. Иное дело Антонина, Челяев был ее крестным отцом, почитай что родным, и она с безоглядной решимостью молодости оставить его в беде не захотела. Поделилась с Болдиным своим намерением освободить коку Петю, тот, разумеется, стал ее отговаривать, да ведь на девичью прихоть угодона нет. Не поможете, сказала, одна пойду, а коли отцу скажете, вовсе знать перестану. Делать нечего, обещал свою помощь.

И вот в одну темную дождливую ночь Болдин, взяв группу солдат, вышел из крепости и направился в стан персов. Стража, укрывшаяся от непогоды, была беспечна, посты миновали благополучно. План был такой: учинить переполох и, воспользовавшись последующей суматохой, вызволить Челяева из плена. Армяне по заказу Болдина изготовили в своей мастерской

несколько десятков ручных бомб, ими вооружили метальщиков, которые должны были взорвать их в разных частях стана. Проникнуть же к землянке, где содержался майор, и освободить его предстояло самому Болдину. В последний момент к нему присоединилась и Антонина, которую никак было не удержать в крепости.

Сначала все шло благополучно, солдаты разошлись по местам, Болдин запалил свою бомбу, которая оглушительно взорвалась, а вслед за этим послышались и другие взрывы. Персидский стан пришел в движение, людей охватила паника, они натыкались друг на друга в темноте, метались, подгоняемые взрывами, и не знали, в какую сторону бежать, ибо взрывы слышались отовсюду.

За те несколько дней, которые пришлось провести в плену, Болдин хорошо изучил персидский стан и к месту содержания майора добрался быстро. Охраны, как и следовало ожидать, возле нее не было, проникнуть вовнутрь не составило труда – новый взрыв, утонувший в общем грохоте, не привлек пристального внимания. Увы, место предполагаемого заточения узника оказалось пустым.

Болдин растерялся, искать Челяева в неприятельском лагере, охваченном паникой, не имело смысла, Антонина это понимала тоже, оставалось одно: подать условленный сигнал на возвращение в крепость, что благополучно и совершилось. Вылазка, слава богу, обошлась без потерь. Но поручика ожидали неприятности с другой стороны. Заметив суматоху, поднявшуюся в неприятельском лагере, в крепости объявили тревогу. Обстановка для полкового командира оказалась в высшей степени неясной, он послал за помощником коменданта, но того не могли найти, что добавило беспокойства. Когда же обнаружилось исчезновение дочери, Реут почти потерял голову. Это неприятное для полковника состояние продолжалось до тех пор, пока не возвратились участники вылазки. Обычно спокойный Реут на этот раз вышел из себя и обрушился на Болдина за проявленное самоуправство. Приказал отправляться ему под домашний арест, дочку тоже не пощадил: закрыл в комнате и никаких объяснений слушать не пожелал.

Однако первая гроза продолжалась недолго. А причиной тому послужил майор Челяев, из-за которого все началось. Через некоторое время он появился в крепости сам, к удивлению и радости ее обитателей. Как раз накануне устроенной вылазки его перевели в зиндан – обычную тюрьму для преступников, лишив таким образом статуса заложника. Оттуда ему удалось бежать, воспользовавшись поднявшейся суматохой, а добраться до крепости и проникнуть в нее с помощью тайного хода оказалось уж совсем нетрудно.

Сведения, которые сообщил Челяев, и то, что было уже известно, давали основание определить общую стратегию действий противника. Реут посчитал нужным поделиться своими соображениями с князем Мадатовым, с кем у него сложились дружеские отношения. Генерала Ермолова он решил на этот раз не тревожить. Вызвал к себе Болдина и как ни в чем не бывало заговорил:

– Поедете к генералу Мадатову, его в последний раз видели у Красного моста через речку Храм, вот здесь. – Полковник показал на карте. – Где он сейчас, не знаю, сориентируетесь сами. Передадите ему мое письмо, оно о том, что затевают персы. Я помощи у генерала не прошу, у него свои задачи, но если будет интересоваться, расскажете все как есть, у нас секретов нет. Воевать будем, пока хватит сил, но их, к сожалению, немного. И еще одно... – Полковник помолчал, как бы подыскивая слова: – С вами поедет моя дочь, я прошу генерала позаботиться о ней. И вас прошу о том же, это все, что у меня есть, не подведите старика...

Тут голос Реута дрогнул, и он отошел в дальний конец комнаты, пытаясь скрыть волнение. Потом подал Болдину письмо.

– Вот, ознакомьтесь. Секретов тут никаких нет, но не хотелось бы, чтобы его читали посторонние лица.

Болдин взял бумагу, она содержала всего несколько строк:

«Любезный князь! Вот уж месяц как я воюю с супостатами, вторгшимися в наш край. Все вокруг ими разорено, твое имение сожжено, только и удалось, что спасти сотню жителей да кое-какой скот. Держимся из последних сил, едим лошадок да зерно из сусеков выметаем. Еще пару недель выдюжим, а там как Бог всемилостивый положит.

Принц тревожить нас в последнее время перестал, хотя сил у него во многожды больше. Могу предположить почему. Ведомо стало, что он отправил царевича Александра поднимать лезгин. У Раздана копит силы Эриванский сардар, а в Шемахе к Каспию идет Гуссейн-Кули. Ежели враги сговорятся и ударят разом, то нам придется туго. Главная опасность, думаю, идет сейчас от царевича Александра: взбунтуются лезгины, за ними весь Дагестан, а там и Чечня – супротив этих волков всему стаду может быть большой урон. Царевич, слышно, идет на Нуху, так ты бы исхитрился и остановил бы его, пока он не разогнался и разбойниками не усилился.

Посылаю сие письмо с поручиком Болдиным, а с ним и дочку свою Антонину, сохрани ее, как сможешь, а я со своими людьми стал насмерть».

Болдин вернул письмо.

– Господин полковник... Иосиф Антонович... – голос его прервался, – будьте спокойны и за письмо, и за Антонину Иосифовну, сделаю все возможное и невозможное, чтобы доставить их по назначению. И сам не замедлю явиться к вам со свежими силами...

Реут взмахнул рукой.

– Это как князь распорядится, будете находиться в его распоряжении. Удачи тебе, сынок...

Первые победы

Николай приехал в Москву по случаю своей коронации – испокон веку повелось, чтобы венчание на царство происходило в древней русской столице. Начало правления складывалось в высшей степени неудачно: сначала декабрьский бунт и следствие, доставившее государю много неприятных открытий, затем суд и казнь зачинщиков мятежа, а теперь, спустя лишь несколько дней после казни, вторжение персов. Некоторое время он пребывал в растерянности – состоянии, которое обычно изгонял из обихода. Но быстро овладел собою и, обсудив положение с начальником Главного штаба генералом Дибичем, распорядился о посылке на Кавказ значительных сил. Требовалось также назначить в район боевых действий доверенное лицо, в преданности и военном опыте которого он бы не сомневался. Ермолов был слишком независим, а главное, что бы ни говорили, благоволил бунтовщикам, это ведь они прочили ему видные должности в своем правительстве. Есть тому не только доносы и предположения, но и прямые свидетельства: не очень-то тот спешил с присягой ему, Николаю, все выжидал, намереваясь, верно, сделать хороший улов в мутной воде российской смуты. После долгих размышлений и советов с Дибичем государь остановил свой выбор на генерале Паскевиче.

Он знал его довольно хорошо и некоторое время был под его началом, командуя дивизией в корпусе Паскевича. В то время было обычным делом, чтобы великие князья проходили практику командования войсками под руководством опытных военачальников. Паскевич хорошо подходил для такой роли: храбрый генерал, отлично проявивший себя в войне с Наполеоном, умелый воспитатель подчиненных, презиравший немецкое «экзерцирмейстерство» в обучении войск с его шагистикой и издевательствами над солдатами.

Карьера этого военачальника складывалась в высшей степени удачно, он оказался угоден всем российским императорам. Еще учась в Пажеском корпусе, Паскевич предстал перед императором Павлом в форме камер-пажа. «Вы не по форме одеты», – строго сказал государь, встретив его после развода, и перечислил недостающие детали в одежде. Юный паж догадался, что все недостающее касалось принадлежностей офицерского обмундирования и сделанный «выговор» означал производство его в офицеры. «Ну, бегите одеваться, – сказал император в ответ на изъявление благодарности, – а после приходите ко мне». Когда новопроизведенный предстал перед императором уже в офицерской форме, тот придиричиво оглядел его и сделал новое замечание: «У вас нет аксельбантов, наденьте их». Так состоялось его назначение флигель-адъютантом.

Но служба при дворе оказалась недолгой, Паскевич отлично показал себя на боевом поприще: 30 победоносных сражений, 7 боевых наград и генеральский чин – таков итог первых 10 лет его офицерской службы. В войне 1812 года полководческие способности молодого генерала нашли новые яркие проявления. Действуя в составе корпуса генерала Раевского, он удерживал Смоленск до подхода русских армий, чем сорвал замыслы Наполеона; большую отвагу и стойкость его дивизия проявила в Бородинском сражении. После войны он командовал гренадерским корпусом и гвардейской пехотной дивизией, имея в своем подчинении двух великих князей – Михаила и Николая. Последний до конца своих дней сохранил юношескую привязанность и уважение к своему, как он говорил, «отцу-командиру».

Паскевич при желании мог располагать к себе людей. С первого взгляда подкупала его наружность: роскошные темные кудри, обрамляющие высокий лоб, большие светло-голубые глаза, правильные черты лица и весь облик, вызывающий пристальный интерес прекрасных дам. К сожалению, эта была лишь одна сторона личности генерала, другая, скрытая от высокого начальства, заключалась в мелочности, придиричivosti, желании выпятить себя и умалить подчиненных, в лицемерии, что особенно нетерпимо в армейской среде. За эту черту подчи-

ненные особенно не любят начальство, могут простить ему грубость, нерешительность, равнодушие, даже трусость, а вот лицемерия не прощают.

Осторожный Дибич, которому было поручено узнать мнение Паскевича относительно предполагаемого назначения, встретил с его стороны решительное возражение.

– Помилуй бог, Иван Иванович, зачем я поеду на Кавказ и что буду делать, если там Ермолов? Он характера самовластного, шагу не даст сделать без разрешения, да он и роты не даст мне в команду...

У Паскевича были основания для подобного опасения, он был всего пятью годами моложе Ермолова, но авторитет, которым тот пользовался в армии и обществе, были несравнимы, да и при своем властном характере он не потерпел бы у себя в помощниках человека столь же независимого. Дибич продолжал настаивать:

– Государь желает, чтобы на Кавказе был человек, пользующийся его безусловным доверием. Против Ермолова он предубежден и считает, что тот нагнетает обстановку в своих докладах, а силу персов преувеличивает. Того же мнения граф Нессельроде и люди, знакомые с тамошней обстановкой. Государь давно уже не верит Ермолову и хотел было отозвать его, ибо знающие люди докладывают, что Кавказский корпус в дурном состоянии, войска распушенны, дисциплина потеряна, кругом воровство, люди по несколько лет не удовлетворены в необходимом и во всем нуждаются... Только события последнего времени не дали государю возможность совершить задуманное, теперь понимаете, почему ему сейчас нужно там доверенное лицо.

Паскевич продолжал настаивать на своем:

– Иван Иванович, пощадите, я слышал, что климат там весьма нездоров, еще хуже, чем в Молдавии и Валахии, где я с трудом его выдерживал. К тому же я совершенно незнаком с местными народами, образом их правления, и что нужно будет делать, если он решительно разойдется с моими представлениями?

– Думается, что при тех полномочиях, которыми наделит вас государь, вы сможете все решать сами, как заблагорассудится. Что же касается войск, то Кавказскому корпусу уже выделены: 20-я пехотная дивизия с тремя ротами артиллерии, 2-я уланская дивизия, четыре полка донских казаков, а также лейб-гвардии сводный полк, составленный из батальонов Московского и лейб-гренадерского полков, участвовавших в бунте 14 декабря. Вскоре к ним добавим черноморских казаков, полки Тенгинский и Навагинский. В общем, это составит не менее сорока тысяч...

На другой день Паскевич был вызван к государю. У того в отличие от предшественника не было привычки тянуть дела, и он начал сразу:

– Я знаю, ты не хочешь ехать на Кавказ, мне Дибич доложил, но прошу тебя сделать это ради меня...

Паскевич пересказал государю все, что говорил Дибичу, и присовокупил, что, находясь под началом генерала Ермолова, он будет обречен только на то, что исполнять его приказания... Тон его возражения разительно изменился, теперь в них не было прежней решительности, Николай это почувствовал и заговорил более доверительно:

– Мне приходится тоже нелегко: едва собираюсь надеть корону, как подвергаюсь испытаниям, и даже персияне – народ, который мы до сих пор держали в покорности, уже взяли несколько наших провинций. Неужели в России не осталось людей, которые могут отстоять ее достоинство? Я тебя прошу: поезжай на Кавказ для меня и для России. Посмотри: возле меня сорок генералов и нет ни одного, кому я мог бы доверить подобное поручение. Я знаю, ты любил моего брата, которому я наследую трон, тень его сейчас стоит между нами, и он тоже просит тебя ехать.

Николай помолчал и, приблизившись к Паскевичу, продолжил:

– Ты говорил Дибичу о затруднениях от Ермолова, это правда, но он опытный командующий, начальствует там уже десять лет и знает местные условия. Это тебе будет полезно и позволит быстро освоить обстановку. Я прикажу, чтобы он ничего не предпринимал без совещания с тобой, не делал никаких распоряжений по военной и гражданской части. А на крайний случай дам тебе особый приказ, по которому в случае беспорядков или если он станет противодействовать моим распоряжениям о совместных действиях, ты сменишь его...

С этими словами Николай тут же собственноручно написал этот приказ и вручил его Паскевичу. Тому ничего не оставалось делать, как произнести подобающие случаю верноподданнические слова и направиться к месту своего назначения, не дождавшись коронационных торжеств. А пока он, не особенно спеша, чтобы не опередить подход выделенных для усиления сил, едет на юг, войска Кавказского корпуса продолжали вести ожесточенные бои.

Задержка персидского войска на передовых рубежах позволила Ермолову собирать и формировать силы для отпора врагу. Из разбросанных по Линии войск следовало создать несколько группировок, способных преградить путь армии Аббас-Мирзы. Неожиданная задержка персов под Шушой дала возможность определить рубеж встречи – Елизаветполь. На пути к нему и начали формироваться заградительные войска, возглавить которые, по мысли Ермолова, должен был смелый и решительный человек, хорошо знакомый с местными условиями. Его выбор пал на генерала Мадатова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.